

Ф.Э. ШЕРЕГИ

СКВОЗЬ СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕРНИИ В ПОИСКАХ СЕБЯ (интервью подготовил Б.З. Докторов)

Для цитирования: Шереги Ф.Э. Сквозь социальные тернии в поисках себя / Интервью подготовил Б.З. Докторов [электронный ресурс]. URL: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/9488/9293>

For citation: Sheregi F.E. *My thorny path in social and academic life in search of myself*. Interview prepared by B.Z. Doctorov. URL: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/9488/9293>

Франц, наша первая беседа состоялась очень давно, в 2006–2007 годах, не только мы были иными, но другими были российская социология, страна, да и мир. Спасибо тебе за согласие еще раз рассказать о себе. Думаю, у нашего разговора будет два пласта: то, что мы обсуждали полтора десятилетия назад, и то, что произошло в твоей жизни в последние годы.

Я перечитал наше первое интервью, оно начинается весьма своеобразно: «Нередко я интересуюсь тем, почему наши коллеги стали социологами, хотя их ответы, скорее, раскрывают, как, в силу каких обстоятельств они выбрали этот путь. Тебе я не стану задавать вопрос “почему?”, а потихоньку начнем раскручивать “как ты стал социологом”¹. А теперь я спрошу тебя: как ты думаешь, почему ты стал социологом? Наверное, какие-то социокультурные предпосылки были к тому, что, выйдя на социологическую тропу, ты не свернул с нее, а идешь по ней, наверное, полвека?

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ САМОАНАЛИЗ

Прелюдия

Чтобы не повторяться по содержанию и стилю с прошлым интервью, предлагаю рассмотреть предмет беседы в аспекте двух вопросов: «почему?» и «как?». В философском понимании первый вопрос предполагает ответ о причине, второй — о механизме (условиях) реализации (достижения) цели. Подчеркну, что в данном случае причина имеет *онтогенетический* (внутренний) характер, то есть заложена в человеке как позыв к рефлексии, материализующейся в одной из возможных (объективно заданных) форм, достигаемых под *филогенетическим* действием социальных условий. Причина едина как генетически обусловленная и кроется в подсознании индивида в качестве аморфного позыва, не обладая собственной овеществленной формой. Например, голод — это только ощущение, он не обладает собственной формой, но может быть «идентифицирован» с неким внешним объектом: яблоко, хлеб, мясо... Это и будет формой голода и целью достижения, но лишь потенциальной, так как рефлексия генетического позыва может обрести только ту форму, которая имеется в наличии «здесь и сейчас». Более того, развертывание (проявление) генетического позыва индивида в той или иной форме требует преодоления череды условий, которые индивиду представляются как собственный целевой выбор, но в действительности имеют случайный характер.

Позыв — как подсознательная генетическая причина — подчиняется единому закону и лишен возможности варьировать сам по себе (например, ощущение голода идентично независимо от демографического или социального статуса), но может обрести одну из внешне заданных форм. *Обретение аморфным позывом конкретной формы проходит через массу имеющих вероятностный характер случайностей*, в совокупности образующих траекторию обретения причиной формы (в социальном аспекте — достижение цели). Таким образом, любую форму креативной (и не только) деятельности я рассматриваю как рефлексию, или придание вещественной формы внутренним аморфным позывам индивида. Внешние явления и процессы — не объекты познания, а лишь форма потенциального

¹ Шереги Ф.Э. Тогда я и пришел к выводу: СССР стоит перед распадом // Телескоп. 2007. № 5. С. 5-14.

овеществления генетического ресурса индивида. Все, к чему индивид стремится, что делает, творит, есть развертка его внутреннего мира, и сверх этого он ничего создать не может. И любая наука есть не познание внешнего объекта, а познание себя посредством объекта. Причина, почему индивид занялся той или иной отраслью науки, заключается не во внешних условиях (это только среда реализации причины), а во внутренних, генетически обусловленных позывах.

Переведу философское рассуждение на язык социологической субкультуры, начиная с ответа на вопрос «почему?». Это ответ за себя и одновременно «за того социолога»: *по причине перманентного ощущения в подсознании социального дискомфорта*. Эта причина свойственна для всех, кто стремится себя реализовать в общественной науке: социальной философии, политэкономии, истории, психологии, политологии, социологии... Она характерна для социологов советских и западных, прошлых веков и нынешнего века, старшего поколения и молодого... Но не имея возможности представить причину в «визуальной форме», отвечающие на вопрос «почему?» подменяют ее мотивами, в качестве которых используются социальные факты, случайным образом встроившиеся в траекторию достижения цели — стать представителем той или иной отрасли общественной науки. Тем самым ответ на вопрос «почему?» вытесняется ответом на вопрос «как?».

Сказанным подвожу к такому ответу на вопрос «почему стал социологом?», который был бы ограничен и в устах «отцов» советской/российской социологии: *потому что ощущал потребность найти причину своего перманентного социального дискомфорта*. Мне кажется, что такой ответ был буквально «написан на лице» таких «импульсивных» социологов, как В. Ядов, Б. Грушин, В. Шубкин, Ю. Левада, О. Шкаратан, И. Кон, В. Шляпентох, А. Здравомыслов, А. Харчев, Б. Фирсов, — упоминая персоналии из первого поколения, кого лично знал, поэтому могу судить об их внутреннем переживании. Косвенно о социальном дискомфорте как генераторе выбора социологии в качестве своей креативной деятельности свидетельствует и то, что среди них большинство пришли в социальную науку, прервав свою политическую карьеру.

Среди представителей молодого поколения особенно импульсивно проявлялась неудовлетворенность прикладной социологией как «рецептом для излечения» социального дискомфорта у Геннадия Батыгина, в своих работах выразившего сомнение по поводу валидности интерпретации социологических эмпирических данных. Это было сомнение не идеологического плана и не методического, как в работах В. Шляпентоха о достоверности информации, а гносеологического: отражают ли эмпирические данные сущность того явления, которое исследователь при помощи этих данных интерпретирует.

Персонально по каждому социологу не могу сказать, в чем воплощался его социальный дискомфорт, однако можно строить предположения по кульминационным стадиям развития цивилизации, так как всплеск активности в социальной науке всегда происходил на переломе цивилизаций. Появившиеся новые теории в малой степени аргументировались экономической жизнью, в большей степени обществоведы были озабочены разрушением устоявшихся распределительных отношений. Так, Конфуций ушел с бюрократической службы, чтобы построить адаптированную для имперского протогосударства Древнего Китая этическую систему распределительных отношений, заимствованную из практики сдающего свои позиции семейно-родового племени, то есть как бы предлагал модель функционирования государства по правилам семейной этики. Греческие и римские философы пытались создать теорию устойчивого рыночного государства при сохранении многих элементов индийского раджаната (сословной стратификации государства при сужении статуса гражданина до основных сословий городских жителей) и закабаления крестьянского населения. Интенсивно накапливавшийся торговый капитал нуждался в инвестировании, а расширявшееся цеховое производство — в свободной рабочей силе и массовом потребителе. В итоге усилия социальных философов по разработке устойчивых моделей капиталистического, даже демократического, государства, минуя интересы крестьян, негодились, рыночные отношения требовали превращения крепостных в свободного производителя и потребителя в интересах развития производства в городах. С подобной проблемой столкнулись США на стадии своего становления, что привело к гражданской войне. Чтобы номинально интегрировать крестьян в государство, колониальные рыночные по своей форме государства распались на монархические образования. А когда замаячил распад этих государств под влиянием революций разросшегося населения городов, требовавших изменения и производственных, и распределительных отношений, появились теории конституционной модели государства («общественный дого-

вор»). И О. Конт свою позитивную социологию декларировал как предназначенную для поиска знаний, содействующих стабилизации гражданского общества. Появились и анархисты, предвещавшие гибель государства как социального института (в России — М. Бакунин, П. Кропоткин...; Маркс писал о неизбежности отмирания государства как социального института, с ним был согласен В. Ленин). Из всех этих теорий на практике был применен только марксизм, и то модель социалистического (диктатуры пролетариата) государства продержалась 70 лет, причем в виде авторитарного государства.

Таким образом, все социальные теории «плелись в хвосте» социальной практики и лишь интерпретировали уже состоявшиеся события, а если и делали прогноз, то только в стиле теологических пророков.

Перейдем к нашему предмету — прикладной социологии. Она стала практиковаться со второй половины XIX века с началом интенсивного распада села и роста городов. Математизация социологии в этот период естественна, так как высокие темпы роста экономики, миграции населения и динамики рабочей силы, демократизация политической жизни общества сделали актуальным манипулирование потребительским спросом в условиях рыночной конкуренции и политическим сознанием масс после падения самодержавия.

В сфере социальной проблематики широко использовалось монографическое описание деградировавших сел, положения рекрутированного из безземельных крестьян заводского пролетариата.

После революции 1917 года в России была коренным образом трансформирована и экономическая, и политическая, и идеологическая системы. Власть полностью сменилась, и новым политикам требовалось знать реакцию различных слоев населения на изменения в жизни страны, общее состояние массового сознания в целях его формирования в нужном русле. Новая власть не жалела средств, и произошел большой всплеск прикладных социологических исследований. К 1930 году власть все свои задачи определила, прикладные исследования постепенно свели к краеведению, а потом сузили до теоретизирования в русле марксизма. Когда в 1960-х годах обществоведы интуитивно почувствовали появление в обществе «надломов», назревание конфликта поколений в системе политических управлений, наиболее обеспокоенные специалисты стали говорить о необходимости учета изменений сознания и политического настроения масс. В итоге, хотя и в скромном масштабе, стала возрождаться прикладная социология, которая заимствовала методический опыт у американских социологов, чтобы наверстать отставание.

К моменту выбора мной движения по научной траектории в Москве уже была подготовка социологов в академической аспирантуре. Стремление ряда обществоведов и политиков институализировать в СССР социологические исследования было вызвано не ориентацией на изменение социально-экономической системы, а подсознательным призывом к спасению статус-кво распределительных отношений, то есть к поддержанию стабильности социалистического государства. Действительно, как показала последующая практика, никто из советских социологов не стал капиталистом, и по сей день они функционируют, опираясь на субсидии государственного бюджета.

Мои генетические призывы к занятию социальной наукой иные, однако и они были направлены на поиск стабильности и предсказуемости человеческих отношений. Индикаторами повышенного внимания к социальной проблематике явились, если исходить из психоанализа З. Фрейда, события, «затронувшие» меня еще до рождения.

УСЛОВИЯ СОЦИАЛИЗАЦИИ

В сословном обществе социально-профессиональный статус приобретается по наследству, поэтому говорить о призвании не приходится. В рыночном обществе социально-профессиональный статус индивида определяется характером его профессиональной деятельности, которая несет в себе функцию жизнеобеспечения. Принято говорить, что трудовая деятельность индивида, как правило, есть результат профессиональной ориентации в семье и школе. Стремление стать конкурентоспособным предполагает максимальное совпадение природных способностей индивида и ориентации на профессию, что часто не совпадает по причине экономико-технологической ограниченности объема элементов социально-профессиональной структуры общества. Например, потенциальная возможность самореализации индивида в творческой или научной сфере в СССР зависела от потенциала государственного бюджета. Такая зависимость сохранилась и в современной России. Представляется, что в случае конкурентного «затора» следует просто отказаться от установки, сформированной в процессе социа-

лизации (профессиональной ориентации), и освоить иную профессию, где нет острой конкуренции. Часто так и происходит. Однако, где бы человек ни работал, некий внутренний позыв, отличный от сформированных в ходе социализации и профессиональной ориентации установок, направляет человека к занятию, стимулируемому подсознательным влечением. И тогда человек занимается этим видом деятельности, помимо профессиональной работы, как хобби либо проявляет усилия до тех пор, пока наконец найдет работу, по содержанию соответствующую его подсознательному влечению, либо, выйдя на пенсию, вдруг становится художником, начинает активно интересоваться историей или конструкторским творчеством и др. В этом случае возникает вопрос: что является решающим в профессиональной деятельности человека в случае более-менее свободного выбора — результаты общественного воздействия в виде профессиональной ориентации или генетический позыв самовыражения, «саморазвертывания» в заданной социальной среде?

Семейная среда

Отец матери — Шварц Герман (род занятий не известен); мать — Фрейд Гермина. Погибли в фашистском концентрационном лагере. Брат матери — Шварц Мор — расстрелян фашистами в составе группы из семи партизан у выходящей в небольшой уличный сквер стены здания обувной фабрики в городе Севлюш (в 1946 г. переименовали в Виноградов). В советский период на этой стене была размещена мемориальная доска из красного гранита с выгравированными семью портретами расстрелянных партизан. Вряд ли эта доска сохранилась сегодня. Но мне прислали книгу под названием «Севлюш — центр мира», изданную в 2009 году в Будапеште, текст в которой напечатан одновременно на четырех языках: русинском, венгерском, английском и иврите. В ней есть фотография этой мемориальной доски. Книга представляет собой сборник воспоминаний старых евреев, до и в период войны живших в Севлюше и в 1944 году спасшихся от концентрационного лагеря. Один из них рассказывает, как, будучи подростками, они вчетвером запаслись едой и спрятались в замурованном маленьком подсобном помещении возле устроенного фашистами еврейского гетто, оставив для лаза несколько незакрепленных кирпичей. Однажды ночью он через лаз отправился за водой и его заметил проходивший мимо полицейский патруль. Всех четверых арестовали и отвели в полицейский участок. За нарушение режима гетто их ждал расстрел. В небольшом городе информация распространялась быстро, и кто-то утром сказал о случившемся руководителю партии малых предпринимателей Шереги Лонци — моему дяде (старшему брату отца). Он пришел в полицейский участок и то ли за счет авторитета, то ли за деньги смог забрать всех четверых подростков, пообещав, что в течение дня их в городе не будет. Отвел их на вокзал, купил билеты и посадил на проходящий поезд до Будапешта. Там, в большом городе, они рассредоточились и смогли дожидаться советских войск. Я сам узнал об этом случае из книги². В Будапеште евреев от депортации в концентрационный лагерь спасал Рауль Валленберг, который имел связи с офицерами СС как представитель шведской сталелитейной корпорации своего отца, почти до конца войны поставлявшего сталь гитлеровской Германии. После прихода в Будапешт советских войск Валленберг вступил с советскими офицерами в контакт, но потом пропал, место и время его смерти не известны.

Отец моего отца — Шереги Ференц — трансильванский венгр, и в целом фамилия сугубо трансильванская. Она имеет разное написание. Если за какие-либо заслуги в ранней Венгрии — как правило, за успехи в войне с турками — римская папская курия присваивала титул аристократа, то в конце фамилии писали не букву “i”, а букву “y”. Однако в венгерском языке эта буква выполняет функцию мягкого знака, что создавало некоторое неудобство, например, сочетание “gy” читается не «гу», а «дь». Во избежание искажения фамилии используется сочетание “ghy” (читается как «гу»). В итоге фамилия предков, и моя тоже, в венгерских документах — *Sereghy*. Когда именно предки получили титул аристократа, не знаю. Такой же титул имела семья матери моего отца — Матолои (*Matolay*) Елена. Школу она окончила в Баден-Бадене (Германия), на уровне родного языка владела немецким и венгерским.

До весны 1944 года с Карпатского региона мужчин любой национальности Венгрия в армию не мобилизовала, так как венгерская власть им не доверяла из-за консолидации с русинским населением — они жили вместе столетиями. Регент Венгрии адмирал М. Хорти (*Horthy*) не разрешал депорта-

² Nagyszőlős, a világ közepe [Нодьсэвлэвш, центр мира] / Ed. by Milada Nagy. Budapest: Aposztróf. 2009. — P. 162.

цию евреев в концентрационные лагеря, ограничившись законодательным ущемлением их в гражданских правах. Но когда советские войска стали приближаться к Западной Украине, немцы оккупировали Будапешт, на место Хорти поставили руководителя партии венгерских националистов Ф. Салоши (*Szálasi*, фамилия его прадеда армянская — Саласьян). Начались концентрация евреев в гетто и депортация в лагерь в Австрию. Мужчин Подкарпатья стали мобилизовать на фронт — в основном для тыловых работ и снабжения войск. К осени 1944 года немецкие и австро-венгерские войска были прижаты к Карпатам; попав в родные края, большинство призванных с Подкарпатья скрылись в горах, в том числе и мой отец, а потом разошлись по домам.

Город Севлюш располагается в долине реки Тиса, верхним концом проходя вдоль Черной горы вулканического происхождения, которая до середины 1950-х годов еще немного дымилась. С объявления о концентрации евреев в гетто опасность попасть в газовую камеру фашистов нависла и над моей матерью, естественно, и надо мной, так как она была беременна. Оставив трехлетнюю дочь (мою сестру) на попечение матери мужа (моего отца), жившей у подножья горы, она скрылась в горах при поддержке местного населения, прежде всего русинов. Будучи мною беременна, скрывалась в горах в течение 8 месяцев. Советские войска освободили город от фашистов спустя две недели после моего рождения.

Наряду с готовыми помочь, в городе были и «стукачи», мать разыскивали полицейские. Их звали «петушиные хвосты», так как перьями петухов они украшали свои егерские шляпы. Это символика охотников на людей типа конского хвоста и черепа собаки у опричников Малюты Скуратова при Иване Грозном. Можно лишь догадываться, какое нервное напряжение испытывала мать в течение этих 8 месяцев, ежедневно опасаясь, что ее раскроют или выдадут «стукачи». Постоянная угроза смертельной опасности в течение длительного времени, естественно, укоренилась и в моих генах, скорее всего, *породив в глубоком подсознании комплекс постоянного ощущения большой перманентной угрозы из внешней среды — природной и человеческой*. Природа долго не отпускала, после рождения болезни — это было мое непрерывное состояние, ходить я начал почти в три года. Потом рассказывали, у родителей не было уверенности, что выживу. И характер сформировался чрезмерно импульсивный, но не агрессивный. В начале 2000-х годов мне прислали из Виноградова номер районной газеты, где целая страница посвящена воспоминаниям пожилой женщины, которая в 1944 году, будучи подростком, в семье слышала рассказы о том, как приходилось скрываться моей матери от фашистов. Также прислали книгу по истории Закарпатья, в которой приводятся воспоминания венгерского национального активиста Шандора Милована об этом событии.

Постоянное подсознательное опасение агрессии со стороны людей рано простимулировало у меня стремление понять человеческие отношения, причины конфронтации и то, как можно усмирить эту угрозу. В последующем такое состояние сформировало у меня стремление к познанию секретов, управляющих поведением людей.

Социальные «подножки», о которые мне приходилось «спотыкаться», начали проявлять себя с рождения. Будучи католичкой, бабушка по линии отца понесла меня крестить в римско-католическую церковь (мать — как еврейка — не могла сопровождать нас в церковь). Мне потом рассказывали, что священник отказывался крестить и согласился лишь под дулом автомата, который с собой принес вернувшийся с фронта отец. Конфликт затянулся, и меня крестили уже ночью.

Так как мужское поколение предков по линии отца носило венгерское имя Ференц, было логичным, что это имя обрету и я. Так меня и называли в городе всегда, однако, когда мне исполнилось 16 лет и я пошел получать паспорт, с удивлением прочитал, что в паспорте записано имя Франц. Я указал на ошибку, на что паспортистка ответила: запись в паспорте полностью соответствует записи в свидетельстве о рождении. Так я узнал, что меня крестили именем Франц — то ли в честь кого-то из австрийских предков бабушки по линии отца, то ли бабушка опасалась, что фашисты могут вернуться и ребенка, крещенного австрийским именем Франц, не заберут. В итоге имя меня не стал, так как все последующие документы заполнялись в соответствии с записью в паспорте, хотя в нынешних венгерских документах я числюсь как Ференц. Казус имени Франц в венгерской среде заключается в том, что в переносном смысле венгры пользуются им, когда говорят: иди к дьяволу (иди к францу, не подразумеваемая под ним имя). А если к нему присоединить фамилию матери, получается Шварц Франц — типа «черный дьявол», конечно, не в дословном переводе, а в переносном смысле. С моим именем случались и другие казусы: в комсомол я вступал, уже обучаясь в русской школе, в комсомольский

билет запись делали на русском языке, поэтому мне его выдали с именем Федор. В период службы в армии я участвовал в русском народном хоре (пел хорошо с детства), хор стал лауреатом творческого фестиваля войсковых гарнизонов Московского региона. Фестиваль проходил в Театре Советской армии. Мы заняли призовое место (кстати, в антракте в коридоре увидел маршала Жукова в сопровождении майора-адъютанта; также в качестве приглашенного выступали ансамбль «Орэра» и певец Ки-кабидзе). За призовое место нам выдали грамоты. Когда заполнявший грамоту прочитал в списке мою фамилию, имя, отчество, он сказал, что в русском хоре это некорректно, надо что-то придумать. Кто-то подсказал, что в СССР был видный деятель Феликс Эдмундович (Дзержинский), это допустимо. Так и записали в грамоте: Шереги Феликсу Эдмундовичу.

Социальная среда

Какое влияние могла оказать на мое становление социологом социальная среда города?

Рос я в многодетной семье, где было пятеро детей. В нашем регионе это было обычным явлением, но с установлением советской власти при наличии в семье пяти и более детей матери награждались медалью «Мать-героиня». Семьи были чрезвычайно консолидированные, и, даже повзрослев, все дети поддерживали между собой и с родителями такие же тесные и бескорыстные связи, как в детстве. Семья была главной ценностью, и мы с детства усвоили, что весь смысл жизни человека — это создание семьи, ее опека и поддержка детей до их устойчивого выхода на профессиональную траекторию. Связи между членами семьи не терялись до конца жизни. Вся деятельность человека осуществлялась во имя семьи, и стремление сделать карьеру ради карьеры считалось «холостым ходом».

В городе были люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Общественное мнение считало их «инвалидами природы», однако относилось к ним не с сочувствием, как к инвалидам по медицинскому определению, а с умеренным дистанцированием, не демонстрируя неприязни, особенно по месту работы. Нетерпимость проявлялась только в отношении педофилов. Их не принимали на работу в учреждения образования, а если они пытались проявить активность, то им учиняли такую жесткую обструкцию, что те были вынуждены из города уехать. В этих условиях у меня сформировалось «конструктивное» отношение к сексуальному меньшинству в сфере труда, однако не приемлю активность в форме ЛГБТ и считаю целесообразным полную изоляцию от общества педофилов в случае проявления ими активности. Эта позиция сугубо субъективная и не имеет отношения к науке.

Так как государства у нас сменяли друг друга — регион входил в состав то Австро-Венгрии, то какое-то время Румынии, потом до 1938 года — Чехии, затем в течение короткого времени был самостоятельным государством с названием Подкарпатская Русь (Підкарпатська Русь), и снова в составе Венгрии, после войны вхождение в состав Украины (УССР), — население в целом не идентифицировало себя с государством, и максимальной общностью для социальной идентичности были этнос и религиозная конфессия. По этим критериям дифференцировало себя все население Подкарпатского региона. К любым государственным институтам население относилось, скорее, враждебно — как к «оккупирующей» структуре.

Для населения региона многоязычие было естественным. С рождения дети говорили на двух-трех языках, например, на венгерском (или румынском), русинском и идише (в еврейских семьях). Дети в швабских (немецких) семьях говорили и по-немецки. После 1945 года в обиход вошли еще украинский и русский языки. Кроме того, в школах изучали французский (в венгерских), немецкий (в украинских) и английский (в русских). В раннем детстве соответственно составу дворовой компании я говорил на венгерском и русинском. Население города примерно в равной пропорции составляли венгры, русины и евреи, была еще довольно многочисленная цыганская община. Они говорили на всех местных языках, которые осваивали на бытовом уровне в ходе сезонного кочевья, и на цыганском языке.

Жители города ощущали себя единой экономической и социальной общностью, и никаких этнических или религиозных фобий не было, споры возникали только на футбольных матчах. Однако на уровне семей «по умолчанию» действовало довольно строгое правило эндогамии по этническому и религиозному признакам. Русское население составляли в основном семьи военных, отношение к ним коренных жителей было таким же, как к остальным этническим группам. Жители Подкарпатского региона, в отличие от Северных Карпат (Галиции), были полностью лишены фобий относительно любых этносов, до вхождения в состав СССР при переписи населения в графе «национальность» писали не название этноса, а принадлежность к религиозной конфессии, и так себя обозначали даже цы-

гане — как правило, католиками или протестантами. В этой среде у меня сформировалась абсолютная адаптивность к представителям любой национальности. Это особенно проявилось тогда, когда стал работать со студентами из различных континентов, имел друзей среди представителей африканских, латиноамериканских, азиатских стран. Дружба народов была для меня не «эхом» советской идеологии интернационализма, я искренне радовался, что люди различных рас проявляют себя как органические части единого человечества.

Цыгане ходили в венгерскую школу (за этим со стороны советских органов управления образованием был строгий надзор), и я с ними дружил, помогал в учебе, так как интеллектуально они сильно отставали. Играли вместе в футбол (тогда у детей были только резиновые мячи). Для детей военного и непосредственно послевоенного поколения была характерна агрессия, мы часто дрались, даже камнями, все носили финки. У меня была финка с рукояткой из оленьего рога, и я перестал ее носить только на первом курсе университета. Шутки у детей этого поколения тоже были злые. Однажды цыганские друзья решили надо мной «пошутить» и на площадке, где мы обычно играли в футбол, заранее сделали небольшой бугор, засыпав кирпич песком, а на вершине бугра разместили мяч. Играли мы в футбол босиком. Когда я пришел, старший среди них сказал, что решили устроить состязание, кто с бугра дальше пробьет мяч. Мне предложили ударить первым. Я разбежался и со всей силы ударил правой ногой в нижнюю часть мяча, захватив вершину бугра. Естественно, удар пришелся и по кирпичу, с большого пальца ноготь слетел, боль была невероятная. На этом моя дружба с цыганами завершилась. Неприязни к ним не испытывал, но считал интеллектуально незрелыми.

Советская национальная политика была весьма благоприятной — никакого ущемления, наоборот, всемерная поддержка. Мы в венгерской школе как основные предметы изучали историю Венгрии, венгерский язык и литературу, причем по тем же учебникам, по которым обучались дети в Венгрии. Так было во всех национальных школах. На областном и районном уровнях издавались газеты, велись радиопередачи на национальных языках. Венгры имели доступ к двум радиостанциям Будапешта и посредством этого продолжали поддерживать свой национальный культурный уровень. В областном центре был образован союз писателей и поэтов для всех национальных групп. С появлением телевидения велись передачи на национальных языках, более того, появилась возможность принимать телепередачи из Венгрии, Чехословакии. Новые школы — украинская и русская, а также функционирующая до вхождения региона в состав СССР венгерская — были средними образовательными организациями, и еще была русинская начальная школа, на русинском языке ее называли «руська школа». До войны были еще чешская и еврейская школы. Украинской школой подменили русинскую, сведя последнюю до уровня начальной, а русская школа первоначально была организована для детей профессиональных военных, состав которых был преимущественно русским. В книжном магазине города продавались книги на всех национальных языках, на которых жители региона разговаривали. Книги привозили из соседних стран, ставших социалистическими. В Венгрии в 1950-е годы начали издание серии книг «Мировая литература» в двух вариантах: в твердом тканевом переплете (более дорогой, «коллекционный» вариант) и маленького («карманного») формата на газетной сероватой бумаге в мягком переплете (дешевый, «копеечный» вариант). Это способствовало тому, что даже школьники могли формировать для себя домашнюю библиотеку и знакомиться с классикой мировой литературы.

В городе был также венгерский народный театр, ставивший оперетты, организованный талантливым членом Украинского союза композиторов Шандором Каллош. Так как я пел хорошо, в 15 лет меня пригласили в труппу участвовать в массовках, которые, по сути, выполняли роль хора. Мы выступали в районных городах с большой долей венгерского населения, а также в больших венгерских селах. Нам даже платили небольшие гонорары. Я ездил участвовать в спектаклях и тогда, когда уже учился в университете в Ужгороде.

В 18 лет мне наконец дали сыграть одну из главных ролей в музыкальном спектакле о любви венгерской девушки и молодого цыганского музыканта и композитора. У меня была роль сына местного судьи по фамилии Черт. Сын судьи хотел на этой девушке жениться и строил против музыканта всевозможные козни. По просьбе местной власти сёл после спектакля наш оркестр устраивал бесплатно танцы для сельской молодежи. Я играл в спектакле отрицательную роль настолько убедительно, что со мной не хотела танцевать ни одна девушка. Дело в том, что сельские жители очень эмоционально воспринимали события на сцене и все виденное переживали вместе с артистами. Девчата боялись осуждения общественного мнения села, если они выразят симпатию отрицательному персонажу.

Таким образом, национальная среда региона не способствовала формированию отрицательных фобий и ни у кого из жителей не вызывала опасений. Тем не менее у меня еще в детстве сформировались две установки — отрицательная и положительная. Когда с годами я узнал, что родителей матери уничтожили в концентрационном лагере, а ее брата расстреляли фашисты, и мы с матерью сами с трудом избежали той же участи, но в итоге спаслись благодаря советским войскам — мы их называли русскими, — я стал интересоваться событиями войны более подробно и читать литературу. В итоге у меня сложилось крайне негативное отношение к немцам и глубоко положительное отношение к русским. В моем сознании образ немцев такой: если бы им, наподобие архаичных народов, пришлось выбрать тотем, от которого исчисляют свое происхождение, то им бы идеально подошла свинья.

Религия

В городе было пять церквей: римско-католическая, протестантская, православная, греко-католическая, синагога, а также католическая часовня на кладбище. Еще одна часовня была в замке на горе, но она не действовала. Под греко-католической церковью был большой склеп, где хоронили священников. В советский период синагогу и греко-католическую церковь закрыли, в первой сделали детскую спортивную школу, во второй освободили склеп и открыли там кафе. А в областном центре (Ужгороде) в синагоге открыли филармонию. По сей день не понимаю, чем мешали церковь и синагога политикам? Властью был проявлен крайний кретинизм. В итоге религиозные евреи организовали у раввина молельный дом, а греко-католики стали посещать православную церковь. В 1970-х годах многие еврейские семьи стали эмигрировать в Израиль и США, некоторые венгерские семьи — в Венгрию в рамках воссоединения членов семьи.

Каждое воскресенье утром население города, включая детей и подростков, шло в церковь. Все исповедовались и причащались. После этого возвращались домой на воскресный торжественный обед. Меня в церковь водила бабушка и по дороге всегда разъясняла важность соблюдения моральных принципов: в чем они заключаются, почему всегда надо слушать советы родителей, что такое грех в отношении других людей и почему людям нельзя делать зло.

Мораль мною воспринималась как олицетворение незлого, доброго общества, где никто никого не боится и все друг другу помогают. Нравилось еще то, что священник говорил не просто о жителях города, а обо всем человечестве. Когда мне исполнилось 12 лет, я стал на каникулах посещать курсы по истории религии, которые при католической церкви проводили монахини. Они одновременно работали сестрами милосердия в больнице. К 14 годам я решил, что буду священником, так как это даст мне возможность позитивно влиять на людей, стимулировать их к добру. Однако уже через год понял, что со своим критическим мышлением воспринимать и пропагандировать религиозные догматы не получится, а лицемерить было не в моем характере. После поступления в университет посещать церковь перестал, но религиозные праздники отмечал. Причины негатива в человеческом обществе стал искать за пределами религии. Этому способствовало фанатическое пристрастие к чтению книг. Книги я брал и в школьной, и в городской библиотеках. Несмотря на то, что город небольшой, в нем были библиотека для взрослых и детская библиотека. Потом, когда у меня стали появляться деньги, покупал книги, в основном из серии венгерской и мировой классики, и к 17 годам у меня уже была небольшая личная библиотека. Кстати, в Венгрии не было строгой цензуры в издательском деле, поэтому я мог читать книги, которые на русский язык не были переведены и в СССР не издавались либо издавались под грифом «для научных библиотек» и к массовому читателю не попадали.

Образовательная среда и период репрессии

Образовательная среда в городе была многогранной. Независимо от национальности дети могли учиться в любой школе, то есть на любом языке. После закрытия еврейской школы еврейские семьи предпочитали отдавать детей для обучения в русскую школу. Моя старшая сестра ходила в венгерскую школу, меня отдали в русскую, может быть, по соображениям будущей карьерной перспективы. Уже с первого класса у меня началась череда «растягивания» обучения, и это сопровождало меня все годы образования. Русский язык я понимал на базе русинского, которым владел хорошо, а также знал на русском фразы на бытовом уровне, которые освоил во время игр с детьми русских офицеров. Алфавит выучил из «Азбуки» за месяц, не дожидаясь регламента, в остальные предметы не вникал, не все понимал. Уже в первом классе проявился мой анархический характер — отторжение всякого административного насилия, упрямо делал все так, как мне казалось правильным. Когда начали писать

цифры в тетради в клетку, я их рисовал по линии клеток. Мне казалось, что прямоугольно расположенные линии клеток правильные, а кривые «загогулины» — какие-то хитроумные. Учительница не ругала, наверное, считая, что это возрастное бунтарство, которое со временем пройдет.

В середине октября после школы я играл дома у друга. Возвратясь из города, его мать мне сказала: «Иди домой, твою маму увели милиционеры». Нас, детей, в семье в это время было четверо: 9, 7, 4 и полтора лет. Это был период широкого развертывания «дела еврейских врачей». Говорили об антисемитизме — это ложь. По характеру своей деятельности я всю жизнь проработал среди евреев, со стороны русских там антисемитизма не было, потому что в этой среде не было самих русских. Была профессиональная конкуренция, и если Иванов «давил» Рабиновича, то говорили об антисемитизме, но при этом оставляя без внимания то, что Рабинович — Сергей Андреевич, а Иванов — Абрам Йосифович. Всплеск репрессий был вызван, как и в 1930-е годы, экономическими проблемами. Непосредственно после войны в восстановлении разрушенных зданий, заводов и коммуникаций участвовали большое количество военнопленных. В конце 1940-х годов сформировался социалистический лагерь, в состав которого вошли также страны бывшей гитлеровской коалиции, в одночасье они стали дружественными. Граждан дружественных государств полагалось отпустить домой из советского плена, кроме служивших в СС — они должны были отсидеть не менее 15 лет. В результате этого трудовые ресурсы существенно сократились. Уехали и находившиеся в плену военные врачи, их требовалось кем-то заменить. Для обоснования комплектации лагерей врачами использовали провокацию против ленинградских медиков, а для набора простой рабочей силы спустили разнарядку в регионы: «сварганить» нужное количество «врагов народа» и просто «нарушителей социалистической законности». Для регионов были выделены квоты, сколько они должны найти «преступников». В послевоенное время в стране трудоспособного населения было мало, поэтому брали всех — и мужчин, и женщин — независимо от того, были ли у них дети и сколько их. Поводы придумывали разные. Например, в детстве узнал по рассказам взрослых о судьбе отца моего друга Имрэ, мы с ним говорили порусински, они жили в соседнем доме. Его отец работал главным бухгалтером на каменоломне. В то время часть зарплаты рабочим выдавалась облигациями и различными непочтовыми марками небольшого размера — 5x10 миллиметров, тисненными на перфорированных листах в половину стандартной величины, которые можно было сворачивать в рулон, а по линии перфорации отрывать марки. Отец получил днем деньги и марки в банке, деньги положил в портфель, а марки свернул в рулон и почему-то положил в глубокий внутренний карман плаща, который надел из-за дождя. На работе деньги положил в сейф, так как зарплату раздавать собирался на следующее утро, а марки забыл положить и пошел на банкет, который устраивала по какому-то поводу дирекция каменоломни. Домой вернулся в приличном подпитии, плащ повесил на вешалку. К утру распогодилось, и он пошел на работу без плаща. Собрался раздавать зарплату, но марок в сейфе не оказалось, а их обязательно надо было вручать рабочим вместе с зарплатой, так как марки являлись основанием для удержания из зарплаты номинала, указанного на марке. Куда девал марки — забыл. Директор опасался обвинения в «соучастии» и сам вызвал милицию. Бухгалтера арестовали за присвоение народного имущества и осудили на 10 лет, хотя, судя по размеру зарплат в то время и по штату небольшой каменоломни, марок было по номиналу не более чем на две сотни рублей. Супруга бухгалтера стала убирать его вещи и проверила карманы, во внутреннем кармане плаща обнаружила марки. Найденные марки вернули на предприятие, но это не помогло. Суд решение пересматривать не стал, так как пришлось бы искать замену, то есть осудить кого-то другого, спущенные из центра квоты на бесплатную рабочую силу не могли быть нарушены, допускалось только перевыполнение квот.

Мою мать арестовали за то, что она продала кому-то кусок ткани. Это была нормальная открытая практика, так как четырех детей надо было кормить. Но местная власть должна была выполнить план по рекрутингу дармовой рабочей силы, и силовики использовали любой повод, лишь бы «заарканить» человека. Они боялись попасть под опалу за невыполнение плана по набору в трудовые лагеря. Было похоже на рекрутинг «пушечного мяса» в нынешней Украине.

Мне по сей день не понятно, почему «старому Йосе» и «подпольному мингрелу» дзе-Бери требовалось в состав набираемых трудовых рабов обязательно «вкраплять» некоторое количество евреев. Что они хотели этим вуалировать? Сколько именно надо набрать в состав трудовых «преступников» евреев — это определялось «наверху», а кого именно — это решали на месте. Мне в последующем рассказывали, что решение принимала городская еврейская община. Предполагаю, что решение жерт-

воват моей матерью обосновывалось тем, что ей удалось избежать фашистский концентрационный лагерь и замужем она была за венгром. Объективного повода арестовать не было, поэтому сами силовики придумали, будто донос написала старая цыганка Роза, которая была моей няней до пятилетнего возраста, а потом помогала по дому. Естественно, Роза была неграмотной, писать не умела и не знала, что такое подписать документ, но за нее все «сварганили» и припугнули, что если она не подтвердит донос, то сама пойдет в тюрьму.

Люди еще были запуганы беспределом фашистов, они не понимали причины «ниоткуда» ворвавшихся репрессий, поэтому семей репрессированных чурались, как прокаженных, их обходили стороной, не общались с ними, лишь иногда помогали близкие родственники, и бабушка старалась брать на себя максимум нагрузки по уходу за четырьмя детьми. Отца в колхозе понизили в должности с полевода в ночные сторожа колхозного клуба, он не мог приносить домой обычно разрешенное небольшое количество овощей, только в середине 1950-х годов впервые после войны в колхозе предоставили ему работу по основной специальности — забойщика-мясника. Я перестал ходить в школу, и это никого не волновало. Таких, как я, было много, и мы сбивались в ватагу, самостоятельно решали проблему своего пропитания. В возрасте 7–10 лет мы уже стали взрослыми, не беспомощными, противостояли обществу и защищали себя агрессивно. Не обходилось без криминала, поэтому некоторые среди подростков попадали в колонию на перевоспитание. В это время я понял, что государство — любое — мне не друг, а враг, оно не защищает, а, пользуясь своим преимуществом, практикует насилие, и ему в этом помогают милиция, КГБ, следователи и судьи. Этот образ государства как социального института укоренился в моем сознании и актуален по сей день. Когда в будущем я ознакомился с тезисом Маркса о том, что государство как социальный институт со временем должно отмереть, был с ним солидарен. Конечно, это мое субъективное отношение, в науке я использую модель государства как объективного образования для балансирования отношений между структурными стратами общества, опираясь на фискальную систему. Но мой скепсис в отношении к государству, силовым структурам (кроме армии), судебным органам и политикам абсолютный.

Мать увезли на строительство Сталинградской гидроэлектростанции. Там трудилось много молодых женщин. В 1950-х годах на экраны вышел двухсерийный фильм об ударной комсомольской стройке «Сталинградская ГЭС» — сплошная ложь, строили заключенные. В прокате фильм был только один раз, с тех пор его больше не показывали.

В следующем году бабушка снова записала меня в школу, в первый класс, но на этот раз в венгерскую. Венгерский алфавит выучил сам за месяц, а математика у меня «была в генах». С октября мне уже стало скучно учиться, и я начал школу прогуливать. В общей сложности проучился в первом классе месяца четыре, но во второй класс перевели, так как знания у меня были значительно объемнее, чем у моих сверстников.

После смерти Сталина необоснованно репрессированных женщин отпустили домой в течение месяца. Группу молодых женщин, в том числе мою мать, вызвали в канцелярию лагеря, вручили свидетельство о полной реабилитации за отсутствием состава преступления (у меня есть копия этого документа), и всех отправили домой так спешно, что они даже не успели сообщить родным о возвращении. Сделали только групповую фотографию на память, у меня эта фотография есть. А сталинский период управления страной остался в моей памяти как фашистский, хотя в последующем я понял, что для того периода и той социальной структуры государства он был объективным. И прав Гегель, который считал, что каждый народ заслуживает своего правителя (добавлю: он его сам для себя находит).

Возвратившись из лагеря, мать постаралась упорядочить жизнь семьи, но я уже был «одичавшим» и неуправляемым.

Зигзаги образования

Со второго класса начал читать сказки, мне нравилась фантазия о нереальной жизни. Читал на венгерском, а в четвертом классе и на русском, и на украинском языках. К пятому классу перешел к чтению книг о разбойниках, путешествиях и открыл для себя большой ранее неведомый мир иных жизней. Возможность узнавать новые миры, иные человеческие отношения меня настолько увлекла, что оторвать от чтения было невозможно до глубокой ночи. Все дети спали в одной комнате на двухъярусных кроватях, свет горел, так как я читал на верхнем ярусе, родители ругали, что уже три часа ночи и давно пора спать. Порой днями сидя за книгой, не выходил к сверстникам, как бы ни звали. Читал все подряд, к окончанию школы прочитал много книг из западной классики, практически

всю венгерскую, из русской, кроме задаваемого в школе, с интересом читал произведения Куприна, Тургенева, Пушкина, Зоженко, Лескова. За счет пристрастия к чтению значительно опережал своих сверстников в интеллектуальном развитии. Непроизвольно научился сопоставлять жизнь в различной культурной среде, оценивать мотивы поведения и их последствия. Мне стало легче ориентироваться в хитросплетениях общественной жизни. Начал сам писать стихи на венгерском, русском и иногда на украинском языках. За юношеские годы накопились два блокнота стихов, в студенческие годы даже показывал свои стихи в областной ассоциации венгерских писателей и поэтов, но в последующем их уничтожил, посчитав мимолетным увлечением.

При окончании седьмого класса венгерской школы родители посчитали, что из-за холерического характера мне целесообразно освоить профессию и пойти работать. Было предложено, чтобы поступал в фельдшерское училище, которое было у нас в городе.

Я был не прочь уйти из венгерской школы. У меня сложилась конфликтная ситуация с директором. В 9–10-м классах учились ребята, с которыми я дружил, они стали тиражировать от руки антисоветские листовки и расклеивали их по городу. Естественно, по почерку их быстро вычислили и осудили троих на два года каждого. Я пришел к директору и сказал, что он предатель, так как провел церковно-ведческую экспертизу и выдал ребят. Понял, что атмосфера в школе для меня более неприемлема. Подал документы в фельдшерское училище, но учиться там не хотел. Первым был приемный экзамен по русскому языку, который принимала дочь моей бывшей воспитательницы в детском саду. Воспитательница, кстати, русская, была очень душевным человеком, и я хранил о ней добрые воспоминания. Знал и ее дочь. На экзамене ей сказал, чтобы поставила «двойку», так как учиться в фельдшерском училище не хочу. Она долго расспрашивала о причине и, видимо, пришла к выводу, что к фельдшерской работе душа у меня не лежит, поэтому поставила «тройку». При наличии хотя бы одной «тройки» на вступительных экзаменах в училище не принимали, слишком ответственная была профессия. Еще в период ссоры с директором школы для себя решил, что продолжу обучение в 8-м классе русской школы, и, забрав документы из училища, подал их в русскую школу, чтобы потом продолжить обучение в вузе (независимо от наличия в области национальных школ вступительные экзамены в профессиональные образовательные учреждения принимались только на украинском и русском языках). Первый год в русской школе учиться было трудно из-за незнания специальной терминологии на русском. Через год учеба выровнялась. В 9–10-м классах нас было всего 10 учеников — 5 девчат и 5 парней; русские, евреи, венгры, всех помню по имени и фамилии: Лариса Слюсаревская, Лариса Свешникова, Жанна Бранд, Галина Широкова, Екатерина Мади, Владимир Ядов, Александр Шелкопляс, Бела Барна, Габор Сабо и я. Уроки по украинскому языку я пропускал, так как после венгерского, русского и французского (русинский официально не учитывался) он был бы у меня четвертым, а изучать более трех языков в школе органы управления образованием не рекомендовали, хотя и не запрещали. Русинский язык не признавался официально, так как после войны в области началась интенсивная украинизация и в паспорт всем русинам в графе «национальность» записали «украинец».

На занятия по французскому языку ходил в венгерскую школу, такую возможность школы соглашывали. Стал интересоваться и другими языками: самостоятельно изучал чешский, польский и ходил в кружок по языку эсперанто. В последующем этими языками, как и русинским и украинским, активно не пользовался, в этом не было практической потребности. В 1962 году среднее образование с 10 лет продлили до 11, но так как в течение двух лет в нашем классе было всего 10 учеников, решили выпустить нас по программе десятилетки. В остальных школах ввели 11-летнее обучение, и я обогнал своих сверстников, обучавшихся в венгерской школе, по сути, вернул потерянный при обучении в первом классе год. Мы дружили с Владимиром Ядовым — сыном полковника из Ленинграда. В последующем семья вернулась в Ленинград, и я несколько раз посещал их в период моего пребывания в этом городе. Было принято, что все, кто заканчивал среднюю школу, обязательно поступают в вуз. Для меня это не обошлось без коллизии. Но вначале о трудовых отношениях в регионе.

Трудовые отношения

И в политическом, и в экономическом отношениях менталитет населения региона был капиталистическим. До конца 1950-х годов среди коренного населения бытовало мнение, что по Тегеранскому соглашению Подкарпатье включено в состав СССР на 12 лет для «отработки» контрибуции за участие Венгрии в войне на стороне Германии. Даже использовались два вида времени: местное (центрально-европейское), применяемое в повседневной коммуникации населения, и московское, на 2 часа впе-

ред, — в официальных организациях. Часы и у меня всегда показывали местное время, а если кто-то спрашивал московское время, я автоматически прибавлял 2 часа. С годами это настолько укоренилось в подсознании, что и в армии, и во время проживания уже в Москве в течение не менее 10 лет мои часы показывали центрально-европейское время, и надо было перестроить себя психологически на московское время.

Ожидание населения возвращения в капиталистическую систему было тщетным, частную собственность новая власть конфисковала, индивидуальное предпринимательство не разрешалось, поэтому население втихую приторговывало. И стар и млад часто осуществляли просто натуральный обмен, представляя это как рынок. Некоторые евреи торговали себе в убыток, лишь бы идентифицироваться со своим внутренним позывом. Я цветными чернилами красил гусиные перья и менял «коллекцию» на мороженое или конфеты у сверстников. Иногда на берегу реки Тисы собирал овальные кварцевые камни, гладко отшлифованные горной рекой, раскалывал их пополам, и в ребристом разломе на солнце блестели кристаллы желтого металла. Внушал сверстникам, что это золото внутри камня, и тоже менял на мороженое или конфеты. Меняли серебряные монеты, которые находили в схронах на чердаках, коллекции старых марок, в общем, дух предпринимательства в регионе не улетучился даже из нашего поколения.

Рыночные традиции сформировали особый менталитет населения в трудовых отношениях. В любом поселке дураком считался не олигофрен, его жалели и ему сочувствовали, а лодырь, не любящий работать, его презирали и замуж за него не выходили, ибо он не был в состоянии прокормить семью. Труд являлся социальной ценностью и «лицом» человека, было стыдно и позорно иметь «корявое лицо». После войны частная собственность у населения региона была конфискована: фабрики, мастерские, земля, в городах большие дома. Наш одноэтажный дом, уходивший вглубь двора, включал мясную лавку и семь жилых помещений. Он располагался на центральной улице напротив протестантской церкви (кстати, и церковь, и наш дом изображены на суперобложке упоминавшейся книги «Севлюш — центр мира»). После конфискации дома в бывшей мясной лавке отца открыли государственное фотоателье, нам оставили две комнаты и кухню, остальные комнаты отдали другой — также многодетной — семье.

В городе функционировали всего несколько небольших комбинатов с малым числом занятых, поэтому большинству населения пришлось идти работать в колхоз и винодельческий совхоз (виноградники размещались на горных террасах). Отец пошел работать в полеводство, мать была дома с детьми. В колхозе не было месячной зарплаты. Люди работали, как на барщине: им ставили трудовни, и это все накапливалось в течение года. В конце года выдавали в среднем по 120 рублей, несколько мешков пшеницы и кукурузы, которые можно было продать на рынке. В конце 1950-х годов колхозникам еще стали предоставлять в личное пользование 15 соток земли. У всех еще были огород и скот — у нас всегда были две свиньи, куры и гуси. Также колхозникам разрешалось раз в три-четыре дня брать домой с поля небольшое количество помидоров, огурцов, моркови, капусты... Столовых не было, все приносили еду с собой, как правило, молоко и хлеб, намазанный свиным жиром, овощи брали тут же на поле. Традиции трудовых отношений были настолько сильны, что, несмотря на отсутствие оплаты конкретного труда, люди работали с большой отдачей, даже соревновались. Эта трудовая мораль мной была усвоена на генетическом уровне. Колхозы района каждую осень устраивали выставку своих достижений, где демонстрировали невероятно большие тыквы и иные плоды, а также скот с большим приплодом.

У детей моего поколения не было каникул. Летом мы шли работать в колхоз на прополку или сбор овощей либо в винодельческий совхоз для сбора клубники (клубника росла между виноградниками, поэтому собирали ее, сгорбившись и идя вверх по горе), чтобы заработать на покупку учебников. В этот период мы полностью идентифицировались со взрослыми рабочими и в поведении старались им подражать, даже начали курить. К спиртному дети привыкали рано, так как зимой простуду в семьях лечили только глинтвейном (кипяченое вино с сахаром). Начиная с 6–7 лет при простуде дети выпивали примерно 100 граммов такого снадобья, а дети постарше — и 200 граммов. В последующем школы заставили родителей заменить для детей глинтвейн на кипяченое молоко с медом, что также было весьма эффективным для лечения простуды. После восьмого и девятого классов на каникулах я пошел работать в пекарню помощником тестомеса и на выпечку черного хлеба. В школе также была

«трудовая повинность»: обрабатывали огород и сад школы, а один день в неделю работали на обувной фабрике, после чего получали второй разряд обувщика.

Таким образом, у детей и подростков была отличная трудовая закалка — мы не боялись никакой работы. На детей были возложены такие обязанности, как уход за огородом и садом при доме (сады и огороды были даже при домах, находившихся в центре города, почти все дома были одноэтажные), распилка и колка дров, а до середины 1950-х — и поход за хлебом (очередь на улице у магазина необходимо было занимать с семи часов, чтобы достался хлеб, давали не более двух буханок в одни руки). Ходили со взрослыми или со сверстниками за грибами и ягодами на гору, на рыбалку в Тисе или в озерах. В таких условиях трудовой морали у нас не формировалась психология иждивенца, то есть «сельского дурня».

Политическая культура

Политическая культура населения региона не была монолитной. Подкарпатские венгры считали, что территория на какое-то время отошла очередному новому государству, надо жить по-своему, ориентируясь на культуру и политику Венгрии, потребляя информацию из венгерского радио, и не ссориться с новой властью. Русины замкнулись после того, как в период Первой и Второй мировых войн галицийские украинцы многих вырезали или вынудили эмигрировать в Канаду, США. А после войны началась массовая украинизация русинов. Евреи вначале с оптимизмом восприняли приход советских войск, сами сдавали свои предприятия в государственную собственность, при этом оставаясь в должности руководителя предприятия. Были рады, что их освободили от фашистов. Однако позиция еврейского населения региона в корне изменилась после начала сталинских репрессий, люди почувствовали, что «веет» чем-то похожим на методы фашистов. Они замкнулись и, как только появилась возможность, массово стали уезжать в США и Израиль. Небольшое число семей русских офицеров воспринимали свое пребывание в регионе как временную командировку, большинство после увольнения в запас уезжали в другие регионы. Однако некоторые русские солдаты срочной службы, женившись на местных девушках, после демобилизации остались жить в области. Формируясь в многогранной информационной среде за счет иностранных радиоканалов, население было вынуждено самостоятельно сопоставлять и анализировать политическую информацию, делать свои выводы. Молодежь также была сильно политизирована, однако она проявляла интерес и к огромной стране — СССР, на окраине которой мы оказались.

Вернемся к мотивации моей ориентации на познание общества, к вопросу о том, как утвердилась во мне эта жизненная установка, в последующем сочетавшаяся с профессиональной деятельностью. В целом культурная, общеполитическая, трудовая, коммуникационная полиэтническая и многоконфессиональная среда не вызывала у меня отторжения, я легко к ней адаптировался и считал естественными элементы образа жизни той общности, в которой формировался с рождения. Не ощущал враждебности ни в одной из этих сред. *Основное напряжение во мне вызывало лишь подсознательное ощущение наличия во внешней социальной среде перманентной аморфной угрозы, которая довлела надо мной, где бы я ни был. Это опасение всеобщей угрозы укоренилось в генах за месяцы психологического стресса моей матери по причине нависшей фашистской угрозы и неминуемой смерти.* Разгадку этой перманентной угрозы в детстве я искал в теологии, но в ней не находил оправдания моей борьбы — лишь призыв к смирению и покаянию. Только в старших классах школы я пришел к выводу, что истинные познания об обществе может дать философия, хотя о ее содержании знал мало. Освоение философии явилось стратегической задачей моей жизненной траектории. *Также сохраняло актуальность противодействие внешнему врагу в лице карающей правовой системы государства — не социалистического или капиталистического, а абстрактного, как социального института. Это убеждение у меня утвердилось за годы, когда мать была репрессирована.* Считал, что эту угрозу надо нейтрализовать изнутри, «пробраться» в ее организм, поэтому не исключал поступления на юридический факультет. Думаю, именно эти два постулата «фрейдовского» типа дают ответ на вопрос, почему я «попал» в социологию. Никаких иных движущих сил, в течение жизни толкавших меня в социальную науку, привести не могу. Я не стремился к поиску «социализма с человеческим лицом», сам по себе политически строй меня не коробил, ибо при любом строе я мог зарабатывать на жизнь только своим трудом, и не тяготел к капитализму, относился к нему безразлично. Поэтому познание собственно этих общественных систем меня не интересовало, но интересовали причины и тенденция развития всего человечества как единого организма.

Тактику своего взаимодействия с обществом интуитивно построил с опорой на два принципа: первый — не бороться в одиночку, надо окружить себя единомышленниками и всемерно помогать им достичь высокого социального статуса, что и для меня станет хорошей броней; второй — угрозу можно задобрить жертвоприношением, то есть отдавать частичку себя, не нарушая своей целостности как личности. Согласно второму принципу, я никогда не произносил формулу: «дайте мне...», а только: «чем я Вам могу быть полезен?». Этим двух принципов придерживался всю жизнь, и это мне помогало балансировать на ухабах общественного лицемерия и в период социализма, и в период капитализма.

И далее правомерен ответ на вопрос, как я зигзагами, ведомый чередой случайностей, в итоге попал в социологию.

Странствия по социальным институтам

Череда случайностей начинается с окончания школы. После 10-го класса все готовились поступать в вуз. Я объявил в школе, что буду поступать на философский или юридический факультет. Посмотрел в справочнике условие приема на эти факультеты, оказалось, что требуется после окончания школы два года трудового стажа. Сказал классному руководителю, что пойду работать к отцу по забою скота (помогал ему в этой работе с 14 лет), чтобы иметь два года трудового стажа. Она сказала, что будут меня саботировать и никто не будет покупать у меня мясо. Потом объяснила, что два года трудового стажа на самом деле означает пять лет, так как через год призовут в армию на три года, а демобилизуют после службы осенью, когда вступительные экзамены завершатся. Из тупиковой ситуации вывели одноклассники. В классе было два сильных математика: Ядов Владимир и я. Владимир уезжал поступать в вуз в Ленинграде. Некоторые одноклассники, а также выпускники венгерской школы, не прошедшие по конкурсу в предыдущем году, стали меня уговаривать поступать на физико-математический факультет Ужгородского университета и одновременно помочь им подготовиться к вступительным экзаменам по математике и физике, надо было научить их решать задачи, в чем я был силен. Согласился, иного рационального выхода не было. Документы подал на математическое отделение. Экзаменов было много и принимали их серьезно: математика устный, математика письменный, физика устный, русский язык (сочинение), французский устный, украинский (собеседование). Экзамены сдавал на русском языке, потом еще было собеседование в приемной комиссии. Баллы по итогам экзаменов у меня были хорошие, и я поступил в вуз. Всего на первый курс отделения принимали 100 человек, до последнего курса доходили не более трети, остальные отсеивались. Отсев проходил в основном на первом, втором курсах, оставляли только тех студентов, кто проявил хорошие способности в освоении высшей математики и был прилежным в учебе, что являлось индикатором его отношения к труду.

Мне не пришлось адаптироваться к самостоятельной («свободной») жизни в областном центре, так как привык к высокой степени независимости с семи лет, когда мать была репрессирована, и как более старшему среди детей мне приходилось самому о себе заботиться, порой решая и вопросы пропитания. Однако относительно большой город содействовал расширению моего кругозора с районного до областного масштаба. Вошел в компанию местных ребят, которые вели «столичный» образ жизни, тусовались в кафе, играли на гитаре. Тогда познакомился с песнями Окуджавы и бардовским стилем исполнения. Я играл только на губной гармошке и на национальном струнном инструменте цитре, на гитаре не умел, поэтому в основном подпевал.

Не получив возможность приобщиться к правовой сфере за счет обучения на юридическом факультете, активно занялся политической деятельностью — стал секретарем комсомольской организации курса. Я должен был контролировать моральный облик сокурсников, обсуждая на комсомольском собрании вопросы нравственности, мобилизовать студентов на общественные работы по благоустройству территории университета, а также стимулировать к участию в спортивных соревнованиях между факультетами.

Занятия в университете велись на украинском и русском языках по выбору преподавателя: гуманитарные предметы читали, как правило, на украинском, математические — преимущественно на русском. Не изучавшие украинский язык в школе, как и я, на первом курсе посещали в течение года занятия по украинскому языку на филологическом факультете и в конце второго семестра сдавали устный и письменный зачеты. Студенты на зачетах и экзаменах отвечали по выбору, я — на русском, при этом преподаватель мог формулировать вопросы на украинском. Лекции, которые читались на

украинском, конспектировал на русском, такая практика способствовала формированию у меня навыков параллельного перевода, что в будущем в значительной степени пригодилось в профессиональной карьере.

В конце 1950-х годов во многих африканских колониях произошли освободительные революции и формировались новые государства, в которых основным языком официальной коммуникации оставался язык метрополии. СССР помогал этим странам специалистами, в том числе командировал туда преподавателей. В университете было введено интенсивное обучение студентов первых, вторых курсов французскому языку. Мне приходилось уделять повышенное внимание изучению двух языков: французского и украинского. Что касается социальных дисциплин, на первом курсе читалась только история КПСС, однако если учитывать весь период обучения на математическом отделении, то нагрузка почти не отличалась от нагрузки социально-гуманитарных факультетов: история КПСС, исторический материализм, диалектический материализм, политэкономия капитализма, политэкономия социализма, научный коммунизм, научный атеизм (по сути, история религии), психология, педагогика. Последние два предмета требовалось изучать потому, что по окончании вуза нам присваивали две специализации: математик и преподаватель математики. Были еще занятия по физической культуре. Их можно было не посещать, если записаться в спортивную секцию. Я спорт любил. Имея небольшой вес, в школе успешно занимался легкой атлетикой, в университете записался в секцию классической борьбы. Проводились спортивные соревнования между университетами, и я в составе сборной университета впервые выехал за пределы области — во Львов. Потом еще в составе студенческой делегации (включили как венгра) участвовал в интернациональном фестивале, который проводился в Ивано-Франковске. К каждой делегации был прикреплен сопровождающий из местного университета, нас сопровождала студентка по имени Данута. В ее речах постоянно сквозил едва заулированный антисоветизм. Меня это поразило, так как не видел основания предъявлять претензии политической системе, на тот момент она мне казалась вполне гуманной и социально ориентированной.

Бурная жизнь крупного города увлекала, и занятиям уделял немного внимания, да и было неприлично после школьного регламента, что преподаватели не спрашивают по предметам каждый день, а только читают лекции или ведут практические занятия. Память у меня была хорошая, поэтому во время экзаменационной сессии смог аврально изучить предметы, но успеваемость была не очень высокой. После летней сессии с математического отделения за неуспеваемость отчислили 50% студентов первого курса, что для вуза было «плановой» величиной в рамках «селекционного» отбора качественных специалистов. Это «вольяжных» студентов отрезвило, и на втором курсе мы стали уделять больше внимания самостоятельным занятиям уже с сентября. Однако в октябре нам объявили, что принято правительственное постановление о призыве в армию студентов мужского пола 1944–1946 годов рождения (первые — третьи курсы обучения) из вузов, в которых не было военной кафедры. На этом мое обучение в университете было приостановлено на три года.

В конце октября нас — 20 университетских студентов — привезли в Подмоскowie в сержантскую школу для обучения. Нам объявили, что после окончания обучения распределят в строительные батальоны как младших командиров строительных бригад, которые состояли прежде всего из призывников с низким уровнем образования и слабым знанием русского языка, в основном из республик Средней Азии. Мы пару дней совещались между собой и объявили руководству школы, что не хотим командовать людьми. Скандала не было, нам сказали, что через неделю заменят, ожидается контингент из Одесской области, с пятью — семью классами образования, они будут рьяно командовать. Через неделю нас по одному распределили по войсковым частям Московской области. Я попал в батальон связи ракетных войск, буквально под Москвой. Первый год ходил на пару со старослужащим проверять, нет ли повреждений на указателях подземного кабеля связи. Несколько групп вывозили на расстояние 10–12 километров, и мы пешком с ведерками белой и черной краски, кистями и саперной лопатой возвращались в войсковую часть по линейному маршруту кабеля, подкрашивая указательные бетонные столбики и размещая вокруг них свежий дерн. Было интересно, по пути следования наблюдал жителей ранее неизвестного мне региона, мы с напарником заходили в поселковый магазин покупать булочки, о многом беседовали. В армию я прихватил с собой задачник по математическому анализу и в свободное время решал дифференциальные и интегральные уравнения. Уже на первом году службы начал проявлять активность: участвовал в кружке художественной самодеятельности гарнизона, организовал секцию по классической борьбе. Среда способствовала дальнейшему совершен-

ствованию моих знаний по русскому языку. На втором году службы меня назначили старшим писарем в штаб, и я стал сам себе командиром. С высшими офицерами штаба у меня складывалась хорошая коммуникация. Подкупали открытость и бескорыстие бывших фронтовиков. Более того, несмотря на огромный ущерб, который страна и они лично понесли в войне, у них полностью отсутствовала озлобленность или жажда мести. Я впервые стал понимать, чем отличается русский менталитет от снобизма европейцев. Меня также попросили вести политические занятия в хозяйственном взводе, где многие солдаты не имели среднего образования. Требовалось их обучить грамотно ориентироваться по карте, многие из них подчас Германию искали в Африке. Это были жизнерадостные ребята различной национальности. С удовольствием взялся за организацию занятий, так как, в принципе, любил обучать. Уже в этот период у меня складывался особый стиль чтения лекций по гуманитарным дисциплинам — без записей, только некоторые цифры, если они требовались, записывал на листе бумаги. Даже при аудитории в 200 человек и более — а мне в будущем приходилось в таких аудиториях читать лекции в Москве, Киеве, Костроме, Риге — я спрашивал о составе слушателей по профессии, возрасту, потом читал лекцию, не отрывая глаз от аудитории, словно гипнотизируя, без перерыва в течение двух часов, держа аудиторию в напряжении. Стиль изложения темы и чрезмерно смелое содержание захватывали аудиторию. Пользуясь тем, что я венгр и могу отклоняться от общепринятой цензуры, рассказывал аудитории события и выводы, о которых им раньше никто не говорил. Это была напряженная работа, после лекции в большой аудитории два-три дня ходил весь выжатый. По этой причине в середине 1990-х годов отказался полностью от чтения лекций, в том числе в вузе.

Солдаты были очень довольны моими занятиями, и слух об этом вскоре дошел до политического управления части. Меня туда вызвали и предложили вступить в партию. Я согласился, так как это была еще одна ступень расширения политической активности. В партии пробыл без трех месяцев 26 лет. После вступления кандидатом в члены КПСС меня избрали заместителем секретаря комсомольской организации части, секретарь был штатной должностью, которую занимал молодой офицер.

Военный городок был закрытой территорией, жизнь солдат протекала строго по предписанию, поэтому три года службы прошли однообразно. Ходил в увольнение в Москву, город мне казался большим каменным монстром, социальные связи и статусы массы спешащих людей — непонятными. Не понимал, как ориентироваться в таких «каменных джунглях» и в толпе аморфной массы. На третьем году службы вышло постановление, что призывать в армию будут только на два года. Призванных из вузов демобилизовали в августе, чтобы успели приступить к занятиям в вузе (меня мобилизовали в звании младшего сержанта). В конце службы женился, супруга — русская из Подмосковья, образовалась этнически сильно смешанная семья. Убедил ее, что жить более комфортно в малом городе, и мы уехали в Севлюш.

В университете восстановился на втором курсе, но не на очном, а на заочном отделении, так как надо было работать, чтобы прокормить семью. На заочном отделении обучались не пять, а шесть лет. Итого обучение в вузе у меня растянулось на девять лет: пять лет по очному регламенту, три года перерыва в связи со службой в армии, плюс один год в связи с переходом на заочное отделение. В это время в Севлюше создали филиал заочного отделения Ужгородского университета, и для сдачи экзаменационной сессии не надо было ездить в областной центр. Более того, по субботам и воскресеньям из Ужгорода приезжали преподаватели для чтения лекций, также занятия проводили преподаватели и декан филиала, поселившиеся в Севлюше.

В Севлюше арендовали небольшой дом, и я стал работать заведующим библиотекой венгерской школы, где ранее сам учился. Одновременно по большинству учебных предметов замещал старшее поколение учителей, когда они болели. Используя наличие в библиотеке читального зала, вечерами проводил для тех, кто ранее не поступил, но хотел поступить в вуз, платные подготовительные курсы по математике, физике и французскому языку. Курсы были нелегальные, так как бизнес был запрещен. Но в городе по традиции все чем-то таким занимались, власти закрывали глаза на эту деятельность. В школе меня избрали секретарем партийной организации, и я вновь активно включился в общественную работу. Возобновил свое участие в труппе венгерского народного театра, но через год перестал выступать, потерял интерес, мне хотелось чего-то более масштабного.

Интенсивная украинизация региона дала свои отрицательные плоды со стороны властных органов, состоявших в основном из украинцев (по самоопределению, а этнически — точно не известно, в этой сфере была всеобщая мимикрия). В городе только моя супруга имела диплом профессионального

воспитателя, но не могла устроиться на работу ни в один из трех детских садов, хотя вакансии были, в том числе был и русский детский сад. На одном из городских собраний партийного актива, на котором присутствовало руководство из области, я выступил с резкой критикой того, что в приемные для населения дни никого из партийных работников нет на своем месте, а также что в отношении русских со стороны администрации города стал проявляться национализм, и привел пример с трудоустройством своей супруги. В зале стояла гробовая тишина, партийный актив съезжился при таком неслышанном «святотатстве» — осмелился критиковать высокое начальство. Представитель обкома партии сказал, что проблему берет под свой контроль. В результате супругу трудоустроили, а меня освободили от должности секретаря партийной организации школы.

Социальная среда в городе становилась тягостной. Через два года после возвращения из армии закончил третий курс университета, и в условиях нараставшего национализма более перспектив для себя не видел. Супруге сказал, что мне легче адаптироваться в русской среде, чем обоим ощущать на себе «отрыжку» украинского национализма. Предложил вернуться в Подмоскowie, она согласилась. Заказал небольшой контейнер в грузовой вагон для отправки мебели и вещей, с дочерью и супругой уехали к ее родителям в Подмоскowie. Разместились в комнате 6,5 кв. м. в старом деревянном доме. Я был зол на московскую власть за то, что она не могла приструнить растущий украинский национализм, и, уезжая из Закарпатья, сказал супруге: придет время, русские на себе ощутят последствия своего халатного отношения к галопирующему украинскому национализму. Мой прогноз оказался верным.

Начиная с поступления в университет и до переезда в Подмоскowie множился лишь жизненный опыт, а философия — как отрасль познания общества — отодвинулась далеко и, возможно, навсегда, если бы с момента приезда в Московский регион череда роковых случайностей не стала усиленно подталкивать меня снова вернуться на стезю социальной науки.

Буквально через два дня после приезда занялся поиском работы. Мне нужна была работа с перспективой получить квартиру. В действительности я «висел» в незнакомой среде, как в безвоздушном пространстве: ни законченного профессионального образования, ни конкретной профессии, ни ориентиров, ни знакомых, которые могли бы в чем-то помочь или что-то подсказать. Слышал, что в учреждениях озеленения города предоставляют служебную квартиру, поэтому в объявлениях искал предложение работы от такой организации. Имея опыт работы в сельском хозяйстве, разбирался в растениеводстве. Но мне в одной из организаций озеленения города, куда я обратился, сказали, что с незаконченным высшим образованием на должность рабочего не принимают, им не разрешают для таких работ брать людей с высоким образованием, и обращаться не стоит — другие организации тоже не примут. Знал, что на улице Горького (ныне Тверская) есть книжный магазин «Дружба», торгующий книгами на языках социалистических стран. Обратился туда с предложением — сказал о владении венгерским языком и о том, что мог бы работать продавцом. Ответили, что для продавцов владение языком не нужно и высшее образование тоже, достаточно того, что языком владеют покупатели книг. Понял, что просто рабочим устроиться с моим образованием, да еще не атлетическим телосложением, будет невозможно. Осталась последняя попытка сделать ставку на знание венгерского языка.

У меня были адрес и телефон Центральной комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, которые дал мой друг еще в Севлюше. Он окончил физический факультет, а венгерский язык был у него родной. В обкоме комсомола его знали по университету и пригласили в Ужгород для беседы. На беседе присутствовал представитель Центральной комсомольской школы, который предложил поехать в Москву, пройти тестирование на предмет перевода лекций по гуманитарным дисциплинам и, может быть, остаться там работать. Поехал, но вернулся, переводить гуманитарные предметы ему оказалось трудно, да и допуск второй категории требовалось оформить. Предупредил, что переводчики там все с высшим образованием. По последней причине после приезда в Московский регион я не спешил туда звонить, считая, что шансов устроиться на работу мало. Однако, когда трудоустройство на рабочие должности оказалось затруднительным, решил съездить. Учреждение находилось далеко от поселка Шереметьевский, где мы с супругой и ребенком жили у ее родителей. В Центральную комсомольскую школу приходилось ехать тремя электричками с пересадками, затем от последней станции ехать три остановки автобусом. Итого получалось в среднем два часа в один конец, туда и обратно — четыре часа. Ехал на авось, не спешил, прибыл туда после обеда, на проходной охранник предоставил телефон, и я позвонил по имевшемуся у меня номеру, как оказалось, в отдел кадров. Спросил «товарища

Ентякова», так как эта фамилия была в моей записке (как оказалось, это декан факультета социалистических стран). И он случайно оказался там, в отделе кадров. Дело в том, что в Центральной комсомольской школе в 1968 году учились только иностранные руководители молодежных организаций с различных континентов и стран, в том числе из капиталистических. При работе с таким контингентом персоналу требовалось быть подготовленным, уметь рассуждать конструктивно и не увлекаться чрезмерно идеологическими штампами при коммуникации со слушателями. В отделе кадров была специальная комната для чтения закрытых материалов ТАСС, в том числе переведенных на русский статей из прессы капиталистических стран. Именно для чтения этих материалов находился в отделе кадров во время моего звонка декан факультета социалистических стран. Его пригласили к телефону, он выслушал, кто я и откуда у меня телефон учреждения, и сказал, что пойдет к себе в деканат в другой корпус, объяснив, как туда пройти; попросил передать телефон охраннику, чтобы меня пропустили.

Территория мне показалась огромной. Декан был молодой, не более 30 лет, звали его Вениамин Ентяков. Была середина июля, а в конце августа приезжали слушатели на десятидневные курсы. С группой работали всегда два переводчика, так как выдержать ежедневно перевод по 6 часов лекций одному было трудно. Опытный переводчик (Юрий Гербст) перешел на работу в Дом дружбы народов, осталась одна переводчица — Клара Вавра, на несколько лет старше меня, родом из Ужгорода. Потом я узнал, что для синхронного перевода на венгерский и монгольский брали только с родным языком из-за его сложной структуры. Найти замену ушедшему на другую работу переводчику не удавалось. Декан пригласил переводчицу, которая жила на территории учреждения (там был один жилой дом для персонала). Она случайно оказалась дома, хотя период был каникулярный. Побеседовала со мной, попросила перевести устно несколько небольших фрагментов из двух книг, написать несколько предложений из биографии и сказала декану, что венгерский язык у меня поставлен хорошо. Декан принял решение оформить меня на работу с испытательным сроком на два месяца, предупредив, что продолжит искать переводчика с высшим образованием. Мне было все равно, определили зарплату — 120 рублей, в то время это были немалые деньги, мне же был важнее любой заработок, о содержании работы не думал. На следующее утро явился в отдел кадров для оформления документов. Необходимость допуска меня не волновала, имел допуск второй категории, так как в армии два года работал в штабе, кроме того, был членом партии, что само по себе играло позитивную роль при приеме на работу в закрытые учреждения.

Работавшим в учреждении переводчикам официально разрешалось подрабатывать по той причине, что в школу обращались за помощью различные государственные органы высокого уровня, к которым приезжали зарубежные делегации, им нельзя было отказать. В середине августа вышестоящая государственная организация принимала венгерскую делегацию из Верховного суда Венгрии, они попросили у школы на две недели переводчика. Старший переводчик была в отпуске и уехала из Москвы на отдых, решили послать меня и одновременно испытать. Мне сказали, что зарплата сохраняется, будет полное обеспечение на уровне члена делегации и еще заплатят по 5 рублей за каждый день работы. За две недели получалось более полумесячной моей зарплаты дополнительного заработка плюс суточное питание, да еще поездки по стране. Работал с делегацией с удовольствием. Для делегаций высокого уровня предусматривались поездки в региональные организации. Для этой делегации были запланированы две поездки: в Ленинград и оттуда в столицу Казахстана Алма-Ату. Я впервые побывал в Ленинграде, посетил музеи и достопримечательности, совместно с делегацией участвовал как переводчик в беседах с руководителями высших правовых органов Ленинграда. Впервые летел на самолете — и сразу из Ленинграда в Алма-Ату с промежуточной посадкой в Целинограде (нынешняя столица Казахстана — Астана). В Алма-Ате нас встречали представители высших правовых органов республики. Так, неожиданно я оказался «вовлеченным» как активный наблюдатель во внутреннюю рабочую жизнь государственных властных структур различного уровня. Это была работа не только с делегациями, но и на съездах различных политических, общественных и экономических организаций, на которые в качестве гостей приглашали представителей зарубежных стран. Более того, однажды нас с коллегой (это был уже новый переводчик — Павел Енковский, также из Закарпатья) в полном смысле слова забрали переводить в течение года лекции для высших офицеров пограничных войск Венгрии. Нам пригрозили: если не пойдем добровольно, призовут как военнообязанных запаса. Мы с коллегой решили, что будем работать через день в школе и на курсах пограничных войск, сме-

няя друг друга, тем более что оформили каждого на полную ставку, чтобы была соответствующая оплата труда. Пришлось освоить военную терминологию.

Мой испытательный срок проходил хорошо. После каждой работы с делегацией организации должны были прислать в Центральную комсомольскую школу характеристику о качестве работы, включая этику поведения. После первой моей работы с делегацией на меня в школу пришла очень хорошая характеристика. Да и школа до начала учебного года не смогла найти переводчика венгерского языка с высшим образованием (более того, искали до февраля следующего года из расчета, что в штате будет три переводчика). За период испытательного срока по запросу Москвы в Севлюше соответствующие органы провели собеседование с моими родителями (насчет военного прошлого отца, причины репрессирования матери). Никакого негатива не выявили. По истечении двух месяцев испытательного срока мне объявили, что готовится приказ о моем зачислении на работу на постоянной основе. Но тут я засомневался и сказал декану, что для меня важнее заработной платы найти такую работу, где есть перспектива получить жилье. Он ответил, что принято постановление центрального органа о переименовании школы в Высшую комсомольскую с открытием факультетов для советских комсомольских руководителей, аспирантуры, о расширении штата преподавателей, поэтому в течение двух лет буквально за забором школы начнут строить два высотных дома для ее сотрудников.

Для меня это была очень благоприятная ситуация, хотя и не со стопроцентной гарантией, и я окупился в работу по гуманитарному профилю. Вначале мне поручили переводить лекции по истории КПСС, историческому и по диалектическому материализму, истории философии, теории и практике комсомольской работы. Философские предметы я уже проходил в университете, а с комсомольской субкультурой и терминологией был знаком из практики своей активной комсомольской работы. Когда через год, на четвертом курсе, сдал экзамены по политэкономии социализма и капитализма, мне поручили переводить и эти предметы, а также «международное рабочее и коммунистическое движение», «теория колониализма и неоколониализма». Так я оказался одновременно в двух вузах: в одном заочно осваивал математику, в другом приобщался к социальным дисциплинам.

Курсы длились 10 месяцев, на них учились руководители (в возрасте 20–26 лет) областных комитетов молодежных движений. Их называли не студентами, а слушателями, хотя лекции и семинары проводились по правилам вуза; на экзаменах, которые были только в июне, по окончании учебы, ставили всего две оценки: 5 и 4. В задачу переводчика входила также корректировка ошибок во время ответа слушателя, то есть как бы перевод правильного ответа, если слушатель ошибался. Преподаватели принимали эту «игру» и не мешали. В итоге переводчик должен был владеть предметом лучше, чем слушатель.

Перевод лекций происходил следующим образом. Слушатели сидели по одному за столом, у преподавателя стояли трибуна, стол со стулом, была доска с мелом, с торца стола преподавателя размещался стул для переводчика. Преподаватель мог читать лекцию стоя или сидя, переводчик всегда сидел, чтобы не мельтешить и не отвлекать слушателей, и переводил последовательно по два-три прозвучавших предложения преподавателя, соответственно, вопросы слушателей на лекциях или их ответы на семинарах. Голова переводчика забивалась невероятным количеством информации различного плана, однако примерно через год мой мозг как-то подсознательно отключил запоминание информации, то есть он интенсивно работал на перевод, но содержание предложений не запоминал. Эта особенность функционирования мозга сформировалась во время частой работы на интенсивном синхронном переводе с наушниками, когда в течение двух - шести часов он автоматически работал как взаимодействие двух словарей, то есть механически, иначе через два часа голова бы «взорвалась» от массы информации. По санитарным нормам на синхронном переводе с наушниками разрешалось работать не более двух часов в день, однако мы с коллегой работали и по четыре - шесть часов, сменяя друг друга по дням (надо было кому-то и лекции переводить, занятия для слушателей не отменялись), так как оплата была очень высокой: за четыре дня я зарабатывал месячный оклад, сравнимый с тем, что получал на основной работе. Несмотря на селективную работу мозга, все равно запоминалось много информации, особенно новой.

Ежегодно в зимние каникулы с группой иностранных слушателей выезжали в Ленинград для посещения музеев и достопримечательностей, а после летних экзаменов, в июне, группа на две недели выезжала в одну из республик или областей для изучения практики комсомольской работы. Реально эта практика состояла из приема делегации, посещения предприятий, высоких учреждений и непре-

рывного застолья. Последнее — бич работы переводчика с делегациями. В советское время было такое официальное правило: начиная с прилета в страну и заканчивая отлетом, вся делегация должна была созерцать советскую действительность «сквозь розовые очки». Поэтому после прилета делегация вместе с встречавшими ее представителями принимающей организации садились в одну или несколько черных «Волг» (в зависимости от количества людей) и направлялись в Москву. Через пять-шесть километров машины сворачивали на проселочную дорогу и заезжали на поляну небольшой рощи. Там открывался капот автомобиля, где в коробках уже были приготовлены бутерброды, доставались бутылки и рюмки — и начиналось празднование прибытия делегации. Это продолжалось в ресторане гостиницы, часто начиная с обеда. Такие же приемы были при выезде делегации в другие города или республики, причем ежедневно. Если переводчик или переводчица отказывались пить хотя бы в каком-то объеме, организация больше их не приглашала для работы и терялась хорошая, официально разрешенная подработка. Пить переводчику надо было потому, что находившиеся «подшофе» члены принимающей стороны и члены делегации порой несли ахинею или рассказывали тупые анекдоты, и если кто-то случайно обиделся, то сваливали ошибку перевода на «пьяного» переводчика. Благо, работа с делегациями была эпизодической, не чаще одного раза в квартал, иначе можно было стать алкоголиком. Чаще приходилось работать на конференциях или профсоюзных курсах, которые были двухмесячные, и мы совместно с другими коллегами тоже обеспечивали синхронный перевод лекций, выступлений, а вечером — кинофильмов, порой двухсерийных.

За счет работы с делегациями и на мероприятиях различных государственных организаций, в том числе политических, я непосредственно окупился в технологию управления советским обществом, как бы наблюдая этот процесс со стороны. Переводил и официальные доклады, и неофициальные рассказы за столом, работая как с сотрудниками центральных политических органов, так и в регионах, включая посещение крупных предприятий и колхозов. Так, неожиданно я оказался «внутри» механизма политической власти, того механизма, который в начале 1950-х годов репрессировал мою мать. Увидев эту угрозу с ее «нутром», понял, что этот механизм уже не столь страшен, как в прошлые времена, что могу найти с ним общий язык за счет адаптации посредством своего интенсивного труда, в котором власть нуждалась. Эту угрозу — государство и правовые структуры — не считал больше для себя угрозой, мне показалось, что я их понимаю, и они меня тоже. Конечно, это была проекция на свою ситуацию, вполне благоприятную. Я занял то место в системе разделения труда, которое содействовало бесперебойному функционированию государственного механизма, и не претендовал на самостоятельную роль в политическом управлении, только обслуживал политику в системе подготовки нового поколения политических руководителей и консолидации политиков социалистических стран, причем весьма эффективно. Политическая система в долгу не осталась: через три года получил двухкомнатную квартиру в Люберцах (в Москве давали только тем, у кого была в городе постоянная прописка, у меня была подмосковная; квартиру выделили в доме, который школа построила в Москве, но из-за моей прописки ее обменяли с другой организацией на квартиру в Подмосковье; такая была тупая практика). С нового места проживания я ездил на работу не два часа в один конец, а 30 минут. По размерам жилья все было в рамках закона — две комнаты на троих, однако по срокам это был рекорд для эмигрировавшего в столицу «гастарбайтера интеллектуального труда», где семьи ждали получения жилья порой 10–15 лет. Спустя полтора десятилетия, когда в семье нас было четверо (дочь вышла замуж и ждала ребенка), работая в комсомольской школе уже научным сотрудником и преподавателем, снова получил, хотя уже с трудом, двухкомнатную квартиру там же, в Подмосковье, и в нее поселились дочь с мужем. Только с введением в стране рынка я понял, что эти достижения не были эквивалентны моей энергии и работоспособности, мои возможности в условиях рынка оказались многократно больше, чем в условиях социализма. В 1960-х годах я считал, что сообразно моему профессиональному становлению и в сравнении с возможностями других граждан ко мне относятся достойно и государство компенсирует мои трудовые затраты с лихвой. Также мне нравилось, что жизнь в стране протекает в основном «по понятиям», то есть приоритет в общественных отношениях отдавался толерантности идеологии и соблюдению принципов морали, кстати, мало отличавшихся от христианских заповедей. Если человек не грабил или не ругал слишком громко власть, то о законах мог не вспоминать. Также импонировало мне социальное равновесие. В стране существовал приоритет натурального распределения: бесплатные детские сады и летом пионерские лагеря, бесплатное образование всех уровней, бесплатное лечение независимо от того, где человек находился в момент заболевания на

территории СССР; метро, автобус — 5 копеек, троллейбус — 4 копейки, трамвай — 3 копейки, плата за коммунальные услуги по квартире по 5–7 рублей в месяц; квартиру давало государство бесплатно и на всю жизнь. Цены на товары не повышались, например, картошка круглый год — 10 копеек за килограмм. И главное — огромная дотация государства на питание: во всех учреждениях и на всех предприятиях были столовые, в которых за 30–40 копеек можно было хорошо пообедать. Люди готовили обед дома только в выходные дни, и этот обед был похож на застолье. Большинство людей были регламентированы одним рабочим местом, все четко знали ритм своей жизнедеятельности — он был в основном умеренным, то есть никто никуда не спешил, и все находилось в виртуальном мире: партийные, комсомольские, профсоюзные, домкомовские собрания служили жупелом для снятия напряжения в виде небольших местечковых дискуссий, похожих на имитированные скандалы, а люмпены у пивных ларьков с важным видом политического эксперта тупо ругали империализм, не очень соображая, за что. Народ уходил в виртуальный мир книг о любви, приключениях, сыщиках... Было приятно смотреть, как в электричке или в метро все сидят, уткнувшись в книгу или газету. Я и сам везде ездил с книгой в руках. Заботы о будущем были возложены на государство, да и коммунистическая идеология теологического типа умиротворяла и успокаивала население.

Войдя в структуру государственного управления, более того, занимаясь подготовкой политических кадров, я посчитал, что нашел форму компромисса с государственной властью и для меня она больше не представляет угрозу, я смогу с ней эффективно взаимодействовать, мы как бы «поняли друг друга». Признавая объективность развития социализма, *методы реализации государственной власти* большевиками в период продразверстки крестьян и сталинского правления с 1930 года и до его смерти считал (и по сей день считаю) фашистскими. Но далее периоды, особенно хрущевский и брежневский, считал вполне гуманистическими и для меня благоприятными, при этом признавая обоснованность расхожей в то время поговорки о жизни советских людей: «При Сталине — как в трамвае: половина сидят, половина трясутся; при Хрущеве — как в самолете: тошнит, но выйти некуда; при Брежневе — как в такси: чем дальше, тем дороже».

Проблема взаимоотношения с государством меня больше не беспокоила, мне казалось, что виртуальную угрозу в этом аспекте снял и поэтому не соотносил разные государства, а воспринимал их с позиции своей самореализации. У меня не было ни капитала, ни богатых или статусных родственников нигде, и условия самореализации для меня были бы везде одинаковые. Где бы я ни был, добиться чего-то мог только своим трудом. Для этого условия в СССР для себя считал благоприятными, и установки на смену социально-экономической системы у меня не было. По личному опыту социализации в семье и в городской среде Севлюша знал, что такое капитализм, и не питал иллюзий. Рынок не привлекал и потому, что для меня материальные ценности не являются приоритетными.

Начав работать в Москве, решил, что целесообразно на четвертый курс заочного отделения перевестись в какой-то московский вуз. Так как уже имел постоянную прописку в Подмоскowie, по закону мог перевестись в вуз ближе к месту проживания. Кроме того, на работе мне дали письмо-ходатайство о переводе, которое имело в любом вузе большой вес как просьба вышестоящего политического органа (Высшая комсомольская школа была при ЦК ВЛКСМ). Сначала поехал в МГУ на механико-математический факультет. Декан принял и сказал, что есть два варианта: так как проходил в основном курсы классической высшей математики, требуется дополнительно сдать ряд экзаменов, которые предусмотрены программой мехмата, или продолжить обучение с третьего курса. Я только начал работу переводчиком, и это требовало усвоения новой терминологии и приобретения практики последовательного и синхронного перевода, да еще поездка на работу туда и обратно — четыре часа, нагрузка была огромной и времени для подготовки дополнительных экзаменов не было. Терять год, начиная обучение снова с третьего курса, не хотел, поэтому от перевода в МГУ отказался и обратился в Московский пединститут. Там были готовы принять на четвертый курс, но также требовалось дополнительно сдать ряд предметов педагогической направленности типа санитарии и др. Решил, что в моей ситуации закрепиться на работе важнее, чем в московском вузе, при этом все равно на заочном отделении, поэтому решил продолжить свое обучение в Ужгородском госуниверситете и ездил два раза в год на сессию, одновременно появился повод побывать у родителей.

Годами повторяющийся перевод одних и тех же предметов, дискуссии на семинарах, международных симпозиумах слушателей из различных стран закрепляли мои знания по социальным предметам не в механической, а в аналитической памяти, и я стал размышлять над многими философскими

вопросами. На четвертом курсе сдал экзамены по политэкономии капитализма и социализма, мне стало легче размышлять о причинах политических конфликтов.

Так как основные социальные предметы проходил и в университете, мог сравнить характер их преподавания в обычном вузе и в политическом. В первом случае преподавание было апологетическим, без допуска сомнений, во втором случае — идеологизированным, но с допуском аргументированных аналитических рассуждений. У меня не вызывала сомнений объективность логики изложения политэкономии капитализма, но политэкономия социализма казалась искусственной конструкцией, компиляцией на базе политэкономии капитализма. Категории политэкономии для выявления причин социальных конфликтов использую по сей день. Исторический материализм казался скучным, социальную практику во всевозможных микрогруппах и социальных институтах я прошел лично и не видел ничего нового в излагаемом материале, но меня заинтересовали принцип историзма и марксистская теория общественно-экономических формаций, объяснявшая эволюцию цивилизации на основе сформулированного Гегелем диалектического закона отрицания отрицания. Двумя десятилетиями позже я показал некорректность ассоциирования Марксом общественно-экономических формаций с этносами, что привело к искажению исторического датирования форм цивилизации. Этой проблематикой в 1960–1970-х годах глубоко занимался венгерский социальный философ и китаевед Ференц Тэкеи, однако проблему не решил по той причине, что слишком увлекся концепцией азиатского способа производства. В 2000-х годах я соотнес формации вместо этносов с расами, а также доказал, что азиатский способ производства как формация — «пятое колесо в телеге». В целом же теория формаций по сей день остается до конца не разработанной. В диалектическом материализме собственно материализм меня не интересовал, но интересовали законы и категории диалектики как логики мышления (по Гегелю). Изложение категорий в учебнике было искаженным. Вначале утверждалось, что законы диалектики строятся на триадах категорий; например, закон отрицания отрицания: единичное (яйцо, отложенное бабочкой), особенное (гусеница) и общее (популяция бабочек), а в последующих частях учебника категории считались парными — например, причина и следствие. Для формальной логики это подходит, но для диалектической — нет: причина может быть одна, следствий много, значит, между крайними категориями должна быть еще одна — условие, которое предопределяет, к какому именно следствию приведет причина. Помню, по этому поводу на кандидатском экзамене по философии в аспирантуре состоялся спор с экзаменаторами (в следующем составе: заведующая аспирантурой Л.А. Воловик, д.ф.н. Г.В. Осипов и незнакомый специалист из Института философии АН), из-за чего поставили «четверку», несмотря на то что предмет знал «назубок», но комиссия настаивала, что Гегель (и я) не прав и категории парные. История КПСС была сухим пересказом событий партийной жизни в тесной связке с экономическими и социальными программами различных вех в истории страны, но с субъективной интерпретацией событий внутри страны. Положительным было то, что каждой главе, посвященной знаменательному историческому событию, предшествовало введение с названием «международные и экономические предпосылки». Например, в главе о Второй мировой войне о секретном приложении к пакту Молотова — Риббентропа не упоминалось, но подробно говорилось о роли в генерировании европейской войны крупного капитала, его интересах, и о том, кто в итоге разбогател в этой войне. Предмет «международное рабочее и коммунистическое движение» был сугубо идеологизированным и схоластическим, многие утверждения в лекциях по этой теме казались мне надуманными, интерпретация понятий — искаженной. Не понимал, почему понятие пролетариата, лишенного частной собственности на средства производства, относят только к рабочему классу, так как эксплуатируется его физический труд, и игнорируют интеллигенцию, у которой тоже нет частной собственности на средства производства и интеллектуальный труд которой эксплуатируется. А крестьянство в СССР хотя и считалось отдельным классом, но не признавалось пролетариатом, так как владело коллективной собственностью на землю, средства и орудия труда, что, естественно, было фикцией. Но вносить в сознание масс, лишенных аналитического мышления, всякие псевдоистины было легко, верили же в такую «ахиню», как скорое пришествие коммунизма. Наиболее конструктивным был предмет «теория колониализма и неоколониализма». В 1960–1970-х годах распад мировой колониальной системы был весьма бурным, и на лекциях вполне научно давалась характеристика этого распада и заинтересованности метрополий в сохранении экономического «патроната» над бывшими колониями (неоколониализм). Проблема не касалась СССР (до 1990-х годов еще было далеко), и никто не мешал объективному изложению материала.

Преподаватели по всем предметам были высокого уровня, не старались в работе со слушателями вести идеологическую пропаганду, материал излагали максимально объективно, но опираясь на внутренний цензор, соответствующий «предписаниям» КПСС. В условиях СССР Центральная, а с 1970 года Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ давала очень хорошее социально-политическое образование сообразно запросам социалистического государства. Чтобы предсказать распад СССР, было бы достаточно политикам прочитать в библиотеке комсомольской школы учебник по колониализму и неоколониализму. Он был научно обоснованным в достаточной степени, потому что в нем рассматривался распад колониальной системы капиталистических стран, и в этом разрешалось «рубить направо и налево». Власти не опасались, что когда-то этот процесс перебазируется и на советское пространство. Подавляющее большинство этих поистине достойных, преданных своей профессии преподавателей, равно как и переводчиков, были евреями, хотя фамилии были русские, украинские и даже корейские (например, предмет «международное коммунистическое и рабочее движение» читал кореец по фамилии Ким, но по отчеству Моисеевич). Кстати, в последующем в Институте конкретных социологических исследований АН я столкнулся с тем же явлением: подавляющее большинство исследователей и аспирантов были евреями. В этом нет ничего нарицательного — Моисей, Христос, апостолы, Маркс ... тоже были евреями, но, если смотреть сквозь призму тысячелетий, владели умами (и по сей день владеют) миллиардов людей. И еще можно вспомнить о сотнях гениальных ученых, изобретателей, писателей и поэтов, музыкантов и композиторов, артистов, врачей... Конечно, у каждого народа есть свои «ироды», Маркс называл их капиталистами, современные российские политики предпочитают называть их корректным понятием «коллективный Запад».

Математический факультет в университете я окончил в 1971 году, параллельно получив основательное социально-политическое образование. В этом же году вселился в свою первую квартиру. Мне казалось к этому времени, что я все познал в политическом и правовом функционировании структурных составляющих государства, вписался в эту структуру, и она для меня угрозы не представляет как потенциальный репрессивный аппарат. Это было «бытовое» представление, я много знал о государстве, прежде всего о социалистическом, но не представляя его как социальный институт, состоящий, как и все социальные явления, из двух противоположных частей: консолидирующей (за счет фискальной системы) и экспроприирующей (за счет корпоративного перераспределения государственного бюджета). Это сущность любого государства: феодального, капиталистического, социалистического.... И конфликтов с правовыми структурами в последующем у меня было достаточно, но, будучи хорошо знаком с характером функционирования структурных элементов государства, все проблемы смог решить посредством компромисса.

Путь в прикладную социологию

Когда ведущей силой является рок

После окончания университета и решения основных бытовых проблем задумался над своей дальнейшей жизненной траекторией. Знал, что в математику не пойду, заработок переводчика был многократно выше, чем учителя математики, да и работа более разнообразная и познавательная. Меня по-прежнему влекло в философию, но по опыту работы уже знал, что в ней систематизирована только история философии, строящаяся на константных событийных фактах. Собственно, философия была похожа на абстрактную аморфную компиляцию разнообразных, во многом друг другу противоречащих идей. Более-менее систематизирована была политэкономика капитализма, в основном благодаря Марксу, а также диалектическая логика, благодаря Гегелю. Генетический позыв детства — увидеть и распознать глобальную угрозу, «изрыгаемую» общечеловеческим биообразованием, ушел глубоко в подсознание. В целом предполагал, что продолжу образование в заочной аспирантуре, займусь социальной наукой по какому-то направлению философии, как этого хотел еще в школе, и стану преподавателем вуза, скорее всего, Высшей комсомольской школы. Для принятия целевого решения требовалось время. Имел в виду только заочную аспирантуру потому, что после получения квартиры уйти сразу с работы не мог, было не положено по административным правилам. Просто не дали бы характеристику в аспирантуру, а без нее не принимали. Жесткая позиция администрации школы была продиктована тем, что опасались не найти квалифицированного переводчика венгерского языка. Брать с Закарпатья — плохо знают русский. Решил: пока продолжу работать, потом по ходу что-то сложится.

И тут опять появился какой-то рок, который упрямо толкал меня в одном направлении — в социологию.

В том же 1971 году в Высшей комсомольской школе стали преподавать, в том числе иностранным слушателям, прикладную социологию. Вначале этот предмет читал всего один преподаватель — А. Смирнов, приглашенный в Москву из Горького (ныне Нижний Новгород). Так и не узнал, как и где он освоил методы социологического исследования. Специализировался он по проблематике социальной активности молодежи. Так как предмет был сильно формализованный и в ряде разделов включал математику, переводить его поручили мне. Образно говоря, не нуждаясь в моих целенаправленных усилиях, судьба «упрямо прицепила» меня к прикладной социологии. С позиции моего намерения заниматься социальной наукой вообще, в которой объектом является все человечество, ситуация была несколько абсурдной, так как государство и его институты как объект научного анализа меня не интересовали, считал, что про этот объект все знаю. За перевод лекций по прикладной социологии взялся потому, что, наконец, увидел гуманитарный предмет, в котором использовалась математика, то есть научные методы. Уже на первом году перевода предмет вызвал у меня повышенный интерес, для лучшего освоения терминологии стал искать в библиотеке школы литературу по методам социологических исследований и нашел пособие А.Г. Здравомыслова и ротاپринтное издание книги В.А. Ядова о методологии и методах социологического исследования. Через год в магазине «Дружба» нашел на венгерском языке академическое издание сборника статей о методах в прикладной социологии, подготовленного коллективом венгерских социологов. Задумался о поступлении в аспирантуру уже в 1972 году, однако ни в одном справочнике не нашел объявление о приеме в аспирантуру какого-либо вуза по специализации «прикладная социология».

Начался 1973 год. Весной к нам пригласили социолога из академического учреждения прочитать лекцию для преподавателей и переводчиков по критике западного общества потребления, в частности, теории американского психолога Абрама Маслоу. Этот лектор был Г.В. Осипов. Хотя о методах исследования в социологии он не упоминал, я понял, что в академии тоже есть социология. Уповал на лето: может быть, удастся найти объявление об аспирантуре. Благодаря переводу лекций, а также из имеющихся в моем распоряжении трех книг получил достаточное представление о методах социологического исследования, но не имел практического опыта, малочисленная социологическая кафедра школы исследований не проводила. Я выписывал газету «Вечерняя Москва» и с июня следил за объявлениями в ней о приеме в аспирантуру. Здесь же на последней странице были размещены объявления о теме и дате защиты диссертаций. Такое гласное размещение информации о защитах диссертаций было обязательным. Знал, что вступительные экзамены в аспирантуру проводятся осенью. В начале августа прочитал в газете объявление о приеме документов от желающих поступать в аспирантуру Института конкретных социологических исследований Академии наук СССР. На следующий день поехал в аспирантуру с газетой. Заведующей аспирантурой была очень приятная женщина Любовь Анисимовна Воловик, уже в возрасте. Показал ей объявление, она сказала, что пришел по адресу, и проинформировала о ситуации: для дневного отделения выделено 28 мест, но свободных конкурсных мест только четыре, остальные будут зачислены по целевому направлению из республик и областей. Сказал, что по характеру работы не могу поступать на дневное, хотел бы на заочное отделение. Она отметила, что там шансы выше, и перечислила документы, которые вместе с заявлением надо подать в аспирантуру, по-моему, до середины сентября. Спросила, какой темой хочу заниматься, я ответил: математическими методами в социологии. Тогда, сказала она, по этой теме необходимо подготовить реферат — это условие допуска к вступительным экзаменам. Занялся подготовкой реферата. С этого момента и до поступления в аспирантуру началась череда не зависящих от меня случайностей, упорно «толкавших» в социологию.

Для меня наиболее понятной была проблематика выборочного метода. Теоретическую главу скомпилировал из имевшихся учебников, но требовалась практическая часть. Незадолго до этого в школе создали небольшую группу математиков, которая должна была подготовиться к работе в будущем вычислительном центре, так как школа заказала ЭВМ (первые ламповые вычислительные машины занимали просторный полуподвал). От заказа до получения ЭВМ проходило 1–1,5 года, и в лаборатории занимались чем хотели. Руководить лабораторией пригласили кандидата физико-математических наук Виталия Цыбу, из Киева, готовившего докторскую диссертацию по теории измерения в аспекте экстенсивных и интенсивных шкал измерения. Его заинтересовала возможность

апробации таких шкал в социологии, и он провел пилотажное исследование по социальной активности молодежи. Составил небольшую анкету с формализованными вопросами и опросил при помощи комсомольского актива несколько сотен человек методом случайного отбора. Не знаю, насколько корректно удалось в ходе исследования соблюсти модель выборки, но описание модели в отчете было детальным, вплоть до расчета погрешностей. Я попросил у него разрешение использовать эту часть отчета, внося некоторую текстовую стилизацию, в своем реферате. Он не возражал, и я «скомпановал» целостный реферат. Копии требуемых в аспирантуру документов собрал, проблема возникла только с характеристикой, которую мне декан подготовил, но ректор не хотел подписать даже с рекомендацией в заочную аспирантуру, интуитивно чувствуя, что школа потеряет переводчика. Незадолго до подготовки мной документов проректором по учебной работе назначили Ю.Н. Афанасьева, специалиста по истории Французской революции. Исходя из направленности научных интересов, он занимался и политологией, входил в состав реформаторской интеллигенции, что проявилось в 1990-е годы. Я позвонил в аспирантуру и спросил, может ли характеристику подписать проректор, заведующая аспирантурой ответила: может. Зашел к нему и откровенно сказал, что собираюсь поступать в аспирантуру на заочное отделение, декан подготовил характеристику, но ректор не подписывает. Проректор посчитал это необоснованным и характеристику подписал. Поэтому вовремя смог подать все документы для поступления в аспирантуру, включая характеристику и вступительный реферат. Далее опять вмешалась случайность.

Телефона дома у меня не было, и в документах для связи всегда указывал служебный телефон. Через несколько дней после подачи документов меня попросили к служебному телефону, звонила заведующая аспирантурой и сказала, что мой реферат получил оценку «отлично» и есть предложение переписать заявление на очное отделение (в последующем я узнал, что реферат отдали для рецензирования В. Шляпентоху, в теме он был заинтересован, так как готовил книгу по проблемам репрезентативности выборки, он и предложил пригласить меня на очное отделение). Ответил, что в характеристике записана рекомендация на заочное отделение и мне вряд ли подпишут новую характеристику на очное отделение. Заведующая аспирантурой сказала, что характеристика характеризует меня как работника, содержащаяся в ней рекомендация не учитывается.

На следующее утро поехал в аспирантуру и переписал заявление на очное отделение. Первый экзамен был профильный — по прикладной социологии. Знал предмет хорошо за счет перевода лекций в течение двух лет и из учебников, но никакого практического опыта не имел. До начала экзамена нам предложили наугад выбрать билет с вопросами, и всех посадили в одну аудиторию готовиться, идти отвечать можно было по мере готовности. Так как в теоретическом аспекте ответы на выпавшие вопросы я знал, пошел отвечать первым. По технологии проведения я не отличал экзамены в аспирантуру от вступительных экзаменов в вуз. Экзамен принимали четыре человека, которых я не знал, только в последующем мне сказали, что это были А.Г. Здравомыслов, В.Э. Шляпентох, Г.М. Андреева и Э.П. Андреев. Ответил на вопросы в билете, на пару дополнительных вопросов, потом стали спрашивать об опыте участия в исследованиях — здесь я был «на нуле». Немного посоветовавшись, поставили «четверку», дав шанс двигаться дальше, а там уже как получится. Отличная оценка за реферат и «четверка» по профильному экзамену гарантировали высокий шанс поступления хотя бы на заочное отделение. Далее следовал экзамен по иностранному языку, который сдавали в Институте иностранных языков АН. Из бесед с абитуриентами во время сдачи экзамена по прикладной социологии узнал, что я один поступал «вслепую», остальные уже имели потенциального руководителя, который оценивал их реферат и по мере возможности опекал во время сдачи вступительных экзаменов. Может быть, не все обстояло буквально таким образом, но у меня появились опасения, что как явившемуся «ниоткуда», мне поставят «четверки» и на следующих экзаменах. Когда в коридоре ожидал своей очереди на сдачу экзамена, меня окликнул знакомый, работавший в комсомольской школе на полставки переводчиком французского языка. Оказалось, что основное место работы у него было в Институте иностранных языков АН. Спросил, что я здесь делаю. Ответил: поступаю в аспирантуру и сейчас буду сдавать французский язык, опасаясь «четверки», мне бы для прохождения конкурса нужна «пятерка». Он заглянул в аудиторию и сказал, что экзамен принимают две его коллеги, зашел к ним, через две минуты вышел, успокоил, чтобы не волновался. Задание на экзамене для меня было несложным, все выполнил — и письменное задание, и ответил по устной части, а также дополнительно на пару вопросов. Поставили «отлично».

Последним был экзамен по научному коммунизму, его сдавали в Институте философии АН и принимал его директор В.С. Степин, причем один. Предмет я знал хорошо, поэтому был уверен, что даже при субъективном подходе менее «четверки» не поставит. Этого было бы достаточно для зачисления на заочное отделение аспирантуры. Ответил на все вопросы билета, и после этого он стал задавать дополнительные вопросы — довольно много. Я подумал: наверное, на чем-то хочет подловить, чтобы поставить «четверку». Вдруг экзаменатор спросил, чем хочу заниматься в аспирантуре, я ответил: применением математических методов в социологии, так как базовое образование у меня математическое. Поставил «отлично» и отдал экзаменационный лист (в последующем я узнал, что супруга Степина была венгеркой). Повез экзаменационный лист в аспирантуру и был очень доволен: включая оценку за реферат, у меня были три «пятерки» и одна «четверка», что гарантировало место на заочном отделении. Меня это устраивало, я привык учиться заочно еще в университете. Даже заведующая аспирантурой удивилась, как мне удалось, придя «с улицы», столь успешно сдать вступительные экзамены, но не сказала, в какое подразделение поступаю и кто намечен руководителем, а также кто оценивал вступительный реферат. Из этого я сделал вывод, что по поводу меня еще не решено, буду я учиться на дневном или заочном отделении, предстояло пройти конкурсную комиссию.

На конкурсной комиссии потенциальные руководители уже открыто отстаивали интересы своих будущих аспирантов. Часть руководителей имели высокий авторитет, и их аргументация в пользу абитуриента комиссией принималась. Скорее всего, и на этот раз авторитетные потенциальные руководители новых аспирантов не сомневались в своем влиянии на администрацию. Однако опять проявила себя случайность. В это время директором института назначили члена-корреспондента АН из Свердловска (ныне Екатеринбург) М.Н. Руткевича, которого в кулуарах сотрудники называли «бульдозером» из-за чрезмерного администрирования, к чему в вольготной академической среде не привыкли. Среди сотрудников В. Шляпентох считался если не бунтарем, то оппозиционером, посему Руткевич его недолюбливал. Однако административное рвение Руткевича на заседании конкурсной комиссии обернулось упрямой принципиальностью. Он не стал слушать доводы потенциальных руководителей будущих аспирантов и субъективные мнения членов конкурсной комиссии. Объявил: итоги будут подводиться строго по официальной инструкции. Началась борьба за четыре конкурсных места. По итогам экзаменов баллы у всех допущенных к конкурсу были высокие, конкуренция была только на дневное отделение. Не прошедшие зачислялись по желанию на заочное отделение, так как баллы позволяли и конкурса там не было. Нас было несколько человек с одинаковыми баллами, и далее по инструкции рассматривались качественные характеристики. В этом отношении у меня было явное преимущество: пять лет стажа перевода лекций в политическом вузе высшей категории, что было эквивалентно вузовскому педагогическому стажу; имел допуск второго уровня — важный показатель в то время настороженного отношения власти к социологии; имел 10 лет членства в КПСС, что в то время являлось большим преимуществом в социально-политической науке. Надо отдать должное М. Руткевичу — он никогда не лукавил и свое субъективное отношение к сотруднику не переносил на административное решение. После суммирования баллов оказалось, что я прохожу на дневное отделение аспирантуры, о чем мне заведующая аспирантурой сообщила по телефону, позвонив на работу. Предложила приехать, забрать приказ о зачислении на дневное отделение аспирантуры и начать оформление увольнения с работы переводом в аспирантуру согласно закону. Предстояла неудобная беседа с ректором — я как бы «кинул» его, говоря о заочной аспирантуре, а в действительности поступил в очную.

Но обратного пути не было, и опять упрямая случайность: ректор на две недели уехал в отпуск, за него остался исполнять обязанности Ю. Афанасьев. Пришел к нему и напомнил, что ранее уже приходил подписывать характеристику для поступления в аспирантуру (при этом умолчал, что в заочную), сейчас принес приказ о зачислении на дневное отделение с предложением оформить мой перевод в соответствии с законом. Помню, сказал он, и поставил визу на письме из аспирантуры. Визированное письмо сразу отнес в отдел кадров, и там начали оформление на перевод в аспирантуру. Когда после возвращения из отпуска ректор узнал о том, что я поступил в аспирантуру и уволился с работы, дал указания во все корпуса школы меня не пускать. Но эта опала длилась недолго, через неделю ко мне приехали домой и попросили продолжить работу переводчика хотя бы один семестр, пока найдут замену. Я согласился, более того, обучаясь в аспирантуре, продолжил подрабатывать переводчиком, так как стипендия была всего 110 рублей, а семью надо было кормить. После года обучения в аспи-

рантуре начал преподавать в Высшей комсомольской школе прикладную социологию на венгерском языке, снизив этим нагрузку на переводчиков.

Когда выписку об увольнении с работы в связи с переводом в аспирантуру принес в институт, заведующая аспирантурой сказала, что моим руководителем назначен В.Э. Шляпентох и готовить диссертацию буду в секторе методики у А.Г. Здравомыслова. Появилась некоторая ясность, хотя ни о чем конкретно это не говорило, так как не имел представления о структуре института и никого среди социологов не знал. Когда мне представили В. Шляпентоха, я вспомнил, что он был в составе принимавших экзамен по прикладной социологии. В секторе методики еще работали Э.П. Андреев (математик), О.М. Маслова (по социологии СМИ), Е.С. Петренко (уже выходила на защиту кандидатской по модели выборки, построенной на базе многомерной типологии), Самуил Клигер (был на последнем году обучения в аспирантуре). В ходе беседы с Клигером выяснилось, что мы оба из одного региона: он приехал из Молдавии, но его предки родом из Трансильвании, смежной с Закарпатьем, и обе территории до Первой мировой войны входили в состав Венгрии. Я сказал, что фамилия моей матери Шварц, оказалось, у его матери тоже. Он предположил, что раз жили в одном регионе, то отцы наших матерей могли быть двоюродными братьями. В последующем по ряду идентичных характеристик я пришел к выводу, что его предположение имеет под собой основание: он окончил математический факультет — я тоже, он приехал в Москву — я тоже, он поступил в Институт конкретных социальных исследований (ИКСИ) именно в сектор методики — я тоже. В дальнейшем проявилось еще ряд частных параллелей. В период распада СССР он уехал жить в США.

Так, в возрасте 29 лет началось мое вхождение по прямой траектории в прикладную социологию, предопределившее профессиональное становление на всю жизнь и одновременно отдалившее от социальной науки. В секторе утвердили предложенную В. Шляпентохом тему диссертации: отработка модели квотной выборки на стадии пилотажного исследования. Витиевато, но мне было все равно, что именно разрабатывать, мог взяться за любую тему.

Как я «вошел» в прикладную социологию — ясно, траекторию движения для меня выстроила череда случайностей, которые, естественно, не упускал. Объектом моих научных интересов не были государство или государственные институты; находясь внутри системы государственной власти, более того, подготовки кадров управления для властных структур, считал, что этот объект познал достаточно глубоко, адаптировался к нему и успешно взаимодействую. Не стремился изменить социалистическую систему распределительных отношений, но и к рыночной системе был полностью толерантен. Поэтому переход в 1990-х годах к рынку не потребовал от меня даже психологической перестройки; образно говоря, до того я плыл по реке все время прямо, и вдруг обозначился поворот русла, просто повернул ручку руля и преодолел поворот, продолжая плыть дальше по прямой. Многие боялись этого поворота и паниковали, что выразилось в чрезмерной суетливости и нервозности среди представителей социальных наук. Сталинского периода я больше не боялся, его просто презирал.

Что сохранилось в качестве основного стимула познания сути социума? Тот стресс, который впитал от матери в период ее преследования фашистами, сформировал виртуальный образ Левиафана, но безликий, бесформенный, как нечто иррациональное, как божество древних евреев Яхве («Я есмь то, что есмь»), невидимый, но перманентный и обладающий грозной силой. Сейчас его называют Социум. Это не внешнее явление, а внутреннее, оно сидит во мне, насилуя естественного индивида своим безграничным лукавством и лицемерием, убивая природное. Стремление познать эту перманентную угрозу в облике Социума явилось движущим мотивом моего стремления заняться социальной философией, но «подвернулась» прикладная социология, и я посчитал, что с применением математики в социальной науке точно раскрою секреты этого многоликого монстра — Социума. Правоммерно заключение, что в Институт конкретных социальных исследований я пришел не обучиться методам сбора социальной статистики, а для углубления в социальную науку.

Обучение в аспирантуре

Поступая в аспирантуру, не предполагал, что не так давно в СССР такой специализации не было и слово «социология» властью воспринималось негативно. Для меня существовали научное учреждение с аспирантурой, квалифицированные ученые, которые также участвовали в подготовке аспирантов. О прошлых коллизиях, через которые прошли большинство видных социологов, узнал позже. Обучение методам прикладных социологических исследований не было основной целью моего поступления в аспирантуру, касательно будущей профессиональной деятельности ориентировался на преподаватель-

скую работу в вузе. Меня захватила идея, что использование математических методов в общественной науке явится большим шагом вперед в сравнении с сугубо вербальными объяснениями причин поведения людей. От каких-либо политических аспектов социологии я был далек и не видел повода для дискуссии. То, что была цензура на анкеты и издания, меня тоже не волновало, так как воспринимал это как обычную практику превенции государства на неудобные «шпильки». Но основным было то, что я не видел ничего в своей практике, что могло бы требовать вмешательства цензуры: во-первых, потому, что, будучи в высокой степени адаптивным, не отличался протестным характером; во-вторых, работа в штабе в годы службы в армии, а также в закрытом политическом учебном учреждении сформировала у меня весьма устойчивый «внутренний цензор».

Несмотря на то, что специализация в аспирантуре была по прикладной социологии, в перечне ВАК она еще не была выделена как автономная, поэтому при защите диссертации присваивалась ученая степень кандидата или философских, или экономических наук. Выбор влиял только на то, какие требовалось сдавать кандидатские экзамены. Выбрал экзамены по философии, и наконец осуществилась моя мечта стать философом, правда, номинально, так как на практике пришлось заниматься прикладной социологией. Лекции по философии слушали в Институте философии АН, по истории философии лекции читала Н.В. Мотрошилова, занятия по французскому языку проходили в Институте иностранных языков АН. Здесь же факультативно год занимался английским языком, но так и не стал его использовать активно. Для подготовки к экзамену по французскому стал читать книги. Раньше читал маленькие книги в виде брошюр, которые покупал еще в Севлюше. Они включали два-три рассказа, симметрично излагаемых на французском и венгерском языках, что позволяло сопоставлять понимание текста и перевод. В аспирантуре начал читать классику: сначала прочитал не очень толстую книгу (автора не помню) «Завтра полюбим друг друга» (о французском иностранном легионе), потом «Монт-Ориоль» Мопассана, затем «Отверженные» Гюго. После этого — пособие по изучению общественного мнения и пособие по методам прикладной социологии. На этом остановился. В науке иностранные языки в целом мне не потребовались, так как у меня была собственная библиотека основной зарубежной литературы по социальным наукам на венгерском языке (при поездке с делегациями в Венгрию привозил их оттуда), на котором читать было удобнее. Что касается социальной философии, она была и на русском языке. Кроме того, хотя с научной литературой знакомился активно, не собирался копировать чьи-то модели — это не было бы уже наукой, я хотел создавать новые знания сам.

Лекции по прикладной социологии читали несколько сотрудников ИКСИ, но это были несистематизированные занятия, так как лекции по отдельным проблемным темам читались по выбору преподавателя. Я запомнил только лекции А.Г. Здравомыслова по проблемам соотношения индикаторов и показателей в эмпирических исследованиях, а также о принципах построения интегральных индексов, и лекции В.Э. Шляпентоха о достоверности социологической информации. Основную долю новых знаний аспиранты осваивали сами из учебников и различных книг.

Атмосфера коммуникации в институте значительно отличалась от атмосферы директивных отношений в политическом вузе, где ранее работал. Это была атмосфера с высокой степенью свободы дискуссий на различные темы, а главное, в научной коммуникации не было иерархии, которая существовала даже в обычных вузах. В институте в научной дискуссии равные голос и право на личное мнение имели все — и аспирант, и доктор наук. Царила атмосфера научного поиска, и даже в коридорах образовавшиеся группы тут же обсуждали какие-то научные проблемы. Во всем институте витал дух академичности, который мне очень нравился.

Возглавляемый А.Г. Здравомысловым сектор методики, кроме научно-познавательных функций, выполнял также важную административную функцию: все программы и анкеты допускались дирекцией к исполнению (то есть выделялось финансирование для проведения исследования) только после их обсуждения и визирования в секторе методики. Благодаря этому я был информирован, какие работы проводятся в других подразделениях, а также о том, какова примерно методическая квалификация сотрудников подразделения в области прикладной социологии.

Заседания сектора методики проходили в явочные дни, то есть два раза в неделю, иногда короткие, а иногда затяжные (это зависело от важности предмета обсуждения). С самого первого посещения заседаний я воспринимал их как важный процесс приобщения к новым научным знаниям. В большой тетради конспектировал все выступления. Сначала коллектив смотрел на меня как на чудака,

не понимая, зачем я конспектирую ход заседаний. Но однажды при каком-то административном отчете сектора требовалось вспомнить, чем было аргументировано принятие то ли положительного, то ли отрицательного решения по обсуждавшейся методике. Вспомнить не могли, и тогда Е.С. Петренко сказала: надо спросить у Франца, он все конспектирует. Информация в моих записях нашлась, после чего к моему конспектированию в секторе стали относиться более уважительно. Однажды обсуждали книгу В.А. Ядова по методологии и методам социологического исследования, чтобы рекомендовать для переиздания высокой печатью. Я удивился: зачем обсуждать, если книга уже была издана (роттапринтом в Тарту, Эстония), и я сам по ней готовился к вступительным экзаменам в аспирантуру? Оказалось, что издательство не может принять книгу к изданию без рекомендации ученого совета ИКСИ, а чтобы институт рекомендовал, требуется заключение сектора методики, которое, естественно, было положительным. Следует признать, что по прикладной социологии самую серьезную школу я прошел, участвуя в заседаниях сектора методики.

Наряду с научной коммуникацией, в институте были частыми споры между ведущими учеными. Сначала думал, что это академический стиль научного спора. Однако и на партийных собраниях часто звучали взаимные обвинения и какие-то абстрактные претензии в связи с игнорированием партийности социологии и чрезмерным преклонением перед буржуазной социологией. Постепенно понял, что к науке эти споры не имели отношения. Это был, выражаясь терминологией Фрейда, *невроз*, порожденный психологической несовместимостью людей с разными жизненными устремлениями, прерванными от них не зависящими социальными причинами: пришедших в социологию ради науки; «командированных» в институт после окончания МГИМО, но не востребованных в дипломатии специалистов, владевших иностранными языками; «спущенных» типа в «отстойник» бывших политических руководителей разного ранга. Эта сторона жизни института мне абсолютно не нравилась, я воспринимал ее как базарную склоку. Все имели равное право выражать свое мнение по тем или иным аспектам науки, истинность высказываний должна была подтверждать практика, а не схоластический спор. Но был определенный эклектический состав научного персонала института, и изменить ситуацию было невозможно, поэтому просто игнорировал такие споры и никогда в них не включался, у меня были абсолютно равные отношения со всеми сотрудниками — от директора до лаборанта. Это проявилось на моей защите диссертации: среди членов ученого совета было немало таких, кто к В.Э. Шляпентоху относился враждебно. Но на защите, перед тем как опустить бюллетень голосования в урну, подходили к нему и показывали, что отметили позицию «да», в итоге не получил ни одного голоса против.

У меня была однозначная установка: завершить диссертацию и выйти на защиту на последнем году обучения в аспирантуре, поэтому, готовясь к сдаче кандидатских экзаменов, параллельно взялся за разработку глав диссертации. Проблематика квотной выборки в большей степени годилась для диссертации математического профиля (то есть страниц на 30–35), а не социологического (страниц 120–140). В. Шляпентох затруднился подсказать, за счет чего можно «раздуть» диссертацию, тему которой сектор уже утвердил. Договорились, что буду работать по своему плану, по ходу работы будет советовать, и постепенно сложится.

Важным критерием основательности любой диссертации было количество использованных научных работ, и для их изучения записался в Библиотеку им. Ленина. Был очень горд этим, так как туда записывали только ученых или специалистов с высоким статусом. Меня записали по билету аспиранта академического учреждения. Благодаря высокоинтеллектуальному составу читателей библиотеки атмосфера там была удивительная. Несмотря на то, что царил полная тишина, казалось, что происходит всеобщее интеллектуальное общение. Можно было и пообедать, не выходя из библиотеки, а в помещении для курения на цокольном этаже ученые, устав от многочасового молчания в читальном зале, громко дискутировали по различным научным проблемам. Для В. Шляпентоха это был «второй дом», где он пропадал днями. Я не мог посещать библиотеку слишком часто, так как довольно много времени проводил на работе в качестве переводчика и преподавателя. В. Шляпентох предложил мне начать разработку одного из разделов диссертации с контент-анализа методической обеспеченности социологических исследований, проведенных в 1963–1973 годах.

Разработал формализованный бланк, куда вошли характеристика выборки, расчет случайных и систематических ошибок, определение репрезентативности данных, метод сбора информации. Показал В. Шляпентоху, он одобрил, и я на несколько недель отправился изучать каталог в Библиотеке

им. Ленина, в Исторической библиотеке, в библиотеке ИКСИ; в другие библиотеки книги по социологии не поступали, за исключением политических образовательных организаций. Получился интересный материал, который в последующем опубликовал³.

По рекомендации В. Шляпентоха в этот период О. Маслова осуществила контент-анализ социологического исследования советских СМИ 1920-х годов. Советские социологи, начавшие заниматься исследованиями в 1960–1970-е годы, насколько мне известно, не были информированы об исследованиях, проводившихся в СССР в 1920-е годы. В. Шляпентох мог о них знать, потому что ранее занимался вопросами статистики и, анализируя статистические издания периода становления СССР, встречал в каталогах научных библиотек регистрацию таких работ. Меня сильно заинтересовал этот неизвестный период, и я по своей инициативе, используя ранее опробованный формализованный бланк, провел контент-анализ характера методического обеспечения социологических исследований, проведенных в СССР в 1920-х годах. В последующем этот материал также опубликовал⁴. После этого занялся изучением опыта работы земских статистиков, использования в России при Петре I выборочного метода для оценки ожидаемой урожайности зерновых. Затем стал изучать практику отбора респондентов в «соломенных опросах», проводившихся в США, в итоге — американский опыт использования квотной выборки в опросах общественного мнения. Так я собрал теоретический материал для диссертации.

Об опыте опроса общественного мнения в США я подготовил статью⁵ и сдал в редакцию журнала «Социологические исследования», учрежденного летом 1974 года. В то время в год выходило всего четыре номера, и было немного авантюрно аспиранту предложить журналу большую статью. Но ее сразу приняли, редактор поработал с ней немного в плане русского языка, и она вышла в очередном номере. Был очень горд и про себя подумал: это первое доказательство того, что я принят социологическим сообществом, состоялся как социолог и, главное, обрел уверенность в том, что могу писать публикации на русском языке, хотя он для меня не родной. В сентябре принес номер журнала в Комсомольскую школу, где преподавал прикладную социологию на венгерском языке. Коллеги-преподаватели поздравляли и спрашивали: неужели я сам написал, без чьей-либо помощи? Ведь недавно был всего переводчиком и пока только обучаюсь в аспирантуре, а уже вышла большая статья в академическом журнале, где они даже не мечтали опубликоваться.

Чтобы завершить сбор материала для диссертации, оставалось решить главную задачу: опробовать метод квотной выборки в прикладном социологическом исследовании пилотажного типа. Здесь уместно сделать отступление по поводу характера прикладных исследований в советский период. Прежде всего, насчет репрезентативной выборки. Может быть, у Госстата СССР она была, если проводили бюджетные обследования, но у социологов ее не было. В ИКСИ в этот период только Е. Петренко выходила на защиту с кандидатской диссертацией о построении общесоюзной выборки для репрезентативных исследований, основанной на методе таксономии — многопараметрической типологии административных субъектов СССР, используя большое количество демографических и экономических показателей Госстата. Прикладные социологические исследования имели в основном зондажный характер или ограничивались несколькими объектами, как правило, предприятиями, где была статистика в отделе кадров и возможность построить квотную выборку на базе демографических и профессиональных показателей. Сами опросы осуществлялись с привлечением добровольцев (студентов, комсомольского актива), так как в то время об оплате интервьюеров речь не шла. Помню, когда в конце 1980-х годов я стал проводить первые фокус-группы на коммерческой основе, выплачивал участникам дискуссии по три рубля, они воспринимали это как подарок, так как привыкли подобные услуги оказывать бесплатно. Проводились еще прессовые опросы читателей, когда анкету публиковали в журнале, а уж сколько ответов, таким получится «случайный» массив.

Чтобы опробовать квотную выборку в конкретном исследовании, стал предлагать свои услуги другим подразделениям, где по плану работы намечалось проведение исследования. Масхуд Садыко-

³ Шереги Ф.Э. Методические проблемы выборки и репрезентативности в социологической практике // Социологические исследования. 1977. № 1. С. 112–122.

⁴ Шереги Ф.Э. Методический аппарат прикладной социологии 20-х годов (проблемы репрезентативности исследований) // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 192–201.

⁵ Шереги Ф.Э. Применение метода квот в выборочных социологических исследованиях // Социологические исследования. 1975. № 3. С. 74–84.

вич Джунусов первым предложил участвовать в изучении вопросов национальных отношений в Узбекистане. Сразу согласился, с группой исследователей надо было выехать в города Бекабад и Фергану. Анкета была на русском и узбекском языках, использовался единственный индикатор: отношение к межнациональным бракам. Кроме М. Джунусова, в группу входили его аспиранты: Ягфар Гарипов и Леонид Веревкин, с которыми я дружил. Начали проведение опроса на Бекабадском металлургическом комбинате — пришли в цех в сопровождении двух преподавателей Ашхабадского университета и не знали, с чего начать, ни у кого не было опыта проведения опроса. Выручил начальник цеха, сказав, что будет приводить к нам по два рабочих нужного возраста и пола (квоты я построил только по этим двум параметрам), и мы будем опрашивать. Бедные рабочие — они стояли перед нами с напряженными лицами, как перед следователями, и отвечали, как на допросе. Дело даже не в том, что для них социологический опрос был в диковинку, а в том, что на предприятии работали многие бывшие депортированные из числа как ранее осужденных русских, так и крымских татар и турков-месхетинцев (из Грузии — Аджарии). Продолжили опрос на шелкопрядильном комбинате в Фергане, где работали в основном женщины в возрасте, «добывая» из кокона шелк. Тяжелая работа: в течение 8 часов, нагнувшись над металлическим желобом с горячей водой, отмачивали коконы и после смягчения конец нити присоединяли к валу, который ее наматывал. Женщин привозили на каждую смену из аулов по согласованию со старейшинами. Мы их спрашивали, хотят ли они сами заполнить анкету, нам отвечали, что глаза плохо видят, а очки дома забыли (их руководство цеха научило, как отвечать, но и нас предупредили об этой «игре»). Дело в том, что, по статистике, в СССР неграмотных вообще не было. Работавшие на кокономотальной фабрике сельские женщины были неграмотными. Мы брали анкеты на узбекском и русском языках, сопоставляли вопросы и как могли зачитывали на узбекском. В целом женщины вопрос понимали и отвечали. Чем были мотивированы их ответы, понятия не имел и спросить не мог, по-русски они говорили плохо. Эта массовая неграмотность для меня была открытием. На опросы нас сопровождал профессор местного вуза, преподававший научный коммунизм. Его прикрепил к нам для сопровождения обком партии, который должен был помогать в организации исследования. Я спросил у профессора (он был киргиз), есть ли пережитки среди сельчан или иных неосознательных граждан, например многоженство. Он рассмеялся и ответил, что у простых людей нет денег, чтобы содержать несколько жен, это могут себе позволить только партийная элита и другие зажиточные категории населения. Передо мной стал раскрываться иной образ населения национальных республик, не в том «розовом цвете», как руководители рассказывали, когда приезжал с делегацией.

Исследование было пилотажным. Какие в ИКСИ делались выводы содержательного плана, меня не интересовало, я отвечал только за выборку, которая в научном плане приращения знаний не давала, но как демонстрация самостоятельной работы для диссертации годилась.

Следующее предложение участвовать в построении выборки для исследования условий труда ткачих одного из камвольных комбинатов города Иваново поступило от руководителя отдела социологии труда Ирины Ивановны Чангли. Поехал в командировку в Иваново. На камвольном комбинате в отделе кадров мне предоставили картотеку учета кадров, я сформировал квотную выборку, вновь по возрасту и полу (на комбинате работало очень много молодых девчат, приехавших в училище комбината и после окончания обучения оставшихся там работать, жили они в рабочем общежитии).

Материала для диссертации мне вполне хватало, и по количеству публикаций я уже превышал предписанный ВАКом норматив, поэтому решил в исследовании не включаться и занялся подготовкой текста диссертации. Но и не смог бы включиться, так как на третьем году обучения ко мне обратился главный редактор журнала «Социологические исследования» Анатолий Георгиевич Харчев и предложил перейти на работу в журнал в должность ответственного секретаря. За два года из журнала уволили двух ответственных секретарей из-за несоблюдения предписаний Главлита (цензуры). Причиной стало не свободомыслие в статьях, за этим следили партийные органы и можно было отделаться простым выговором, а халатность, в результате которой в некоторых статьях по социологии труда секретарь не удалял названия предприятий, считавшихся секретными. Работа была привлекательная, зарплата — в 2 раза выше, чем моя стипендия, привлекала и широта научной тематики статей. Однако возразил, что есть ряд «противопоказаний» и не уверен, что справлюсь: не имею ни журналистского, ни филологического образования, нет опыта работы в журналах и редактирования, наконец, русский язык не является родным. Харчев ответил, что русский язык — забота редакторов, а они квалифици-

рованные, управление журналом осуществляет он лично, но нужен специалист, достаточно широко и грамотно владеющий социологической проблематикой, и в этом качестве меня рекомендовал А.Г. Здравомыслов. Кроме того, требуется энергичный человек для управления коллективом и организации заседаний и работы с членами редколлегии, он мне поможет. Ну, и нелишними являются членство в партии и наличие допуска, так как утверждает в этой должности отдел ЦК КПСС. Немного подумав, согласился, с условием, что работать буду до защиты диссертации и получения кандидатского диплома, после чего уйду на научную работу, то есть дал согласие работать в журнале 1,5-2 года. На этом пришли к согласию и через неделю приступил к работе в журнале.

Работа в журнале была «на износ», но стала для меня во всех отношениях большой школой. Весьма познавательными были дискуссии на редколлегиях при обсуждении статей, отработал свой стиль написания научных работ, что пригодилось также при оформлении диссертации. Основной проблемой в журнале была скудость портфеля хороших статей. На начальной стадии вхождения в научную работу я предполагал, что уровень научных публикаций коррелирует с градацией научной степени. Но в журнале убедился, что такая корреляция весьма слабая. А.Г. Харчев имел авторитет в научных кругах. Он относился к военному поколению, поэтому был прямолинейным и справедливым. В научном плане специализировался на социологии семьи и нравственности, руководил одноименным отделом в ИКСИ и сектором трудового воспитания в НИИ профсоюзов. Поддерживал ровные отношения со всеми видными социологами, основное усилие направлял на развитие журнала, что ему удавалось.

Ознакомившись с ситуацией в журнале, я занялся формированием портфеля статей. Из-за малочисленности исследований в подразделениях ИКСИ оказалось очень мало материала, пригодного для освещения в журнале. Познакомился ближе с отделом Г.В. Осипова, занимавшимся изучением истории и современной западной социологии. В этом отделе работали очень квалифицированные ученые: Ю.Н. Давыдов, которого в середине 1960-х годов причислили к диссидентам, так как выступил против преследования советской властью писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Ю.Н. Давыдов хорошо владел немецким языком и специализировался по социальной философии Дьёрдя Лукача, который свои работы писал на немецком языке, хотя родной язык у него был венгерский. У меня вызвала большой интерес книга Давыдова «Этика любви и метафизика своеволия», написанная в стиле Томаса Манна. Выделялся своей активностью и широкой эрудицией И.В. Бестужев-Лада, занимавшийся проблематикой социального прогнозирования. Познакомился с Л.Г. Иониным, в это время анализировавшим теорию понимающей социологии Георга Зиммеля. Эти специалисты привыкли писать «широко», не ограничивая себя в рассуждениях, поэтому с неохотой готовили статьи для журнала, где объем и характер изложения материала были регламентированы.

Ездил в Ленинград, встречался с В.А. Ядовым, О.И. Шкартаном, был дома у И.С. Кона, который в это время жил с матерью. Все обещали что-то написать в журнал, но выполнение обещания тянулось долго. Не было свежих эмпирических данных, а И. Кон уже углублялся в психоанализ фрейдовского типа, называя это социальной психологией, так как к работам Фрейда в СССР относились отрицательно.

Замечу, что усилия Г.В. Осипова в социологии недооценили. Он сделал многое для перевода зарубежной социологической литературы, организации международных форумов социологов. При распаде СССР инициировал организацию РАН и этим спас Институт социологии.

Работа в журнале способствовала тому, чтобы не «засохнуть» в узкой методической специализации и возвратиться к широкому анализу социальных процессов. В итоге к узкой профессионализации своей деятельности никогда не вернулся. Работая в журнале, значительно расширил тематику своих публикаций: используя результаты отчетов по итогам исследования венгерских социологов, подготовил публикацию об образе жизни венгерских цыган, причинах роста самоубийств среди пожилого населения венгерских сел, по истории венгерской социологии с 1910 по 1975 год; опубликовал в «СОЦИСе» программу и методический инструментарий исследования наставничества (в середине 1970-х годов был большой всплеск движения наставничества на предприятиях, потом на 40 лет это начинание ушло в забвение, но пять лет назад началась широкая активизация наставничества в России).

Осенью 1977 года защитил кандидатскую диссертацию (первым оппонентом был В.А. Ядов, ведущей организацией — подразделение Сибирского отделения Академии наук, которое возглавляла

Т.И. Заславская), вечером успешную защиту отпраздновали дома у А.Г. Здравомыслова с участием также В.Э. Шляпентоха и В.А. Ядова. Стал планировать переход на научную работу. В журнале работа была исполнительской и однотипной, карьера не предвиделась, а для занятия наукой времени не хватало из-за аврального характера издательской деятельности. Должен был уйти туда, где есть возможность проводить исследования. А.Г. Харчев предложил поработать пока по совместительству у него в секторе в НИИ профсоюзов по теме «наставничество». Там же руководил подразделением Станислав Флегонтович Фролов — крупный, всегда улыбающийся брюнет. Специализировался он в области трудовых отношений.

Работа в НИИ профсоюзов была узконаправленная и однотипная, институт исследований не планировал, поэтому, когда получил диплом кандидата наук, пошел работать старшим научным сотрудником в НИЦ Высшей комсомольской школы. Исследовательский центр молодежи только создали и набирали сотрудников, в том числе социологов в Отдел исследования рабочей молодежи.

Начало самостоятельной работы в прикладной социологии

Инициатива создания Научно-исследовательского центра Высшей комсомольской школы происходила не столько от научных или информационных потребностей, сколько по причине нарастания «кадрового затора» в системе комсомольского управления. Лишние кадры направляли в аспирантуру, а для тех, кто уже имел ученую степень, создавались научные подразделения. Научным «костяком» вновь созданного Центра исследования проблем молодежи была группа социологов из Свердловска (Екатеринбург), прошедшая социологическую школу у Льва Наумовича Когана, видного специалиста по социологии культуры. Директор центра тоже был с Урала — философ Юрий Евгеньевич Волков (через несколько лет его сменил Николай Михайлович Блинов, бывший заместителем директора, потом директором ИКСИ).

Несмотря на то, что я попал в Отдел трудящейся молодежи, которым руководил социолог из Свердловска Владимир Иосифович Мухачев, направления исследований, которыми занимались сотрудники, не ограничивались. Во время моего прихода отдел разрабатывал программу исследования отношения к труду рабочей молодежи, адаптированной из материалов книги А. Здравомыслова и В. Ядова «Человек и его работа...». Тема планировалась не менее чем на три года (надо было чем-то занять социологов средней квалификации), я помогал в создании программы и анкеты, но оставалось очень много свободного времени, и хотелось его чем-то занять. Весной 1978 года планировалось проведение XVIII съезда ВЛКСМ, и я решил на примере отношения к съезду посмотреть, как функционирует общественное мнение молодежи и насколько оно дифференцировано. Сначала занялся построением модели всесоюзной выборки. Для этого построил типологические группы областей (включая области республик и автономные образования) по доле городского и сельского населения, по возрастному составу населения (14–30 лет); соотношение по полу принял 50% : 50%. Определить репрезентативность данных опроса было невозможно, так как не было реального события, как в случае электората, а математические расчеты в такой ситуации, когда анализируется социальный объект по многим параметрам, являлись фикцией. Ранее эта проблема заботила Б.А. Грушина, который в итоге показал, что в условиях СССР правомерно говорить не об общественном мнении, а о массовом сознании. Именно по этой причине установки респондентов были весьма устойчивыми и во многом схожими, так что ошибиться в отношении этого «монолита» было невозможно.

Стал разрабатывать анкету для измерения отношения молодежи к съезду комсомола, решив опрос проводить после окончания работы съезда, когда молодежь из газет уже ознакомится с его решениями. В этот период в Академии общественных наук при ЦК КПСС, на кафедре А.К. Уледова, разрабатывавшего теорию общественного мнения, кандидатскую диссертацию по проблеме динамики общественного мнения готовил М.К. Горшков. Он приступил к подготовке практической части диссертации в форме проверки выдвинутых гипотез о зарождении общественного мнения и искал возможность подключиться к любому массовому исследованию, имеющему характер опроса общественного мнения. Задача была не из простых, исследования проводились редко, в основном на ограниченном объекте. Кроме того, что касается зондажа общественного мнения, особенно по политическим вопросам, в стране все еще действовало табу и власть такие исследования не приветствовала. До Горшкова дошли слухи, что я собираюсь проводить общесоюзный опрос общественного мнения молодежи по политической тематике. Позвонил и попросил о встрече, приехал в Комсомольскую школу и изложил свою проблему. Я сказал, что действительно готовлю масштабный опрос мнения молодежи о решени-

ях съезда после его завершения. Михаил Константинович предложил изучить не просто состояние общественного мнения, а его динамику, для чего целесообразно было провести три повторных опроса: до начала съезда (измерить ожидания молодежи), во время работы съезда (измерить степень интереса молодежи к политическому форуму), после съезда (оценить отношение молодежи к решениям съезда). Мне идея понравилась, и он подключился к разработке анкет. Исследование было удачным, и его продолжили вплоть до XX съезда ВЛКСМ (на XXII съезде комсомол самораспустился), даже провели аналогичное исследование во время работы XXVII съезда КПСС. Так началось мое научное сотрудничество с М.К. Горшковым, которое длится более 40 лет.

Казалось, власть не проявляет серьезного интереса к прикладной социологии, и она еще долго будет «вариться в собственном соку». Однако экономические и социальные проблемы в стране нарастали, а причины многих явлений не лежали на поверхности: в общественное разделение труда вошло послевоенное, более образованное поколение со своей прагматичной субкультурой, требовалось найти компромисс между поколениями, формировавшимися в сильно различавшихся исторических условиях. Искусственное сдерживание населения в селах, отсутствие свободной территориальной миграции рабочей силы порождали недовольство у молодежи. Для послабления запрета на территориально-трудовую мобильность населения, запуска миграции молодежи были объявлены ударные комсомольские стройки, куда комсомол мобилизовал интернациональные отряды молодежи. В конце 1970-х годов стали возникать проблемы с мобилизацией молодежных строительных отрядов, многие покидали стройку до завершения контракта. Особенно обострились проблемы на Байкало-Амурской магистрали (БАМ). В 1983 году изучить ситуацию поручили НИЦ Высшей комсомольской школы. Была создана группа изучения проблем БАМа, которую я возглавил. Объект для изучения был сложный: строительство растянуто на сотни километров (общая длина БАМа — 4300 км). Руководство БАМа было против исследования и всячески затягивало допуск наших сотрудников на стройку. Однако вышло указание ЦК КПСС, и исследование мы провели. Были выявлены ряд причин, по которым молодежь уезжала со стройки: плохие бытовые условия, неясность перспектив развития региона и создания условий закрепления в регионе на постоянной основе; средняя зарплата на БАМе была выше среднего показателя у строителей по стране всего в 1,6 раза. Хорошо оплачиваемые места — крановщиков, бульдозеристов, водителей — занимали работники, приехавшие из областей Сибири и Дальнего Востока: они были адаптированы к климату и как бы находились недалеко от дома. Вновь прибывающей молодежи доставалась лишь невысоко оплачиваемая неквалифицированная работа. Начиная исследование, я предполагал, что на БАМе велик дефицит рабочей силы, однако укомплектованность оказалась в среднем на 120%. Руководство БАМа не отказывалось от лишних людей, так как финансирование предприятий и организаций в советское время осуществлялось по двум автономным статьям: из фонда оплаты труда и фонда социального страхования, величина которого рассчитывалась в соответствии с численностью занятых.

Потом руководство БАМА не задерживало молодежь, решившую досрочно покинуть стройку, а в правительство слало депешу, что из-за частых дождей и маломощных землетрясений, которые там — обычное явление, на насыпях железной дороги образовались незапланированные оползни, мосты деформировались и т. д. Они, мол, понимают, что дополнительных денег нет, но на стройке образовался невостребованный (из-за досрочного оттока молодежи) резерв фонда социального страхования и просят разрешения перевести эти средства в фонд строительных затрат. Естественно, такое разрешение выдавалось (скорее всего, оно было согласовано заранее), а куда уходили эти деньги, неизвестно.

Но не эти проблемы стали основным открытием. При анализе состава интернациональной по определению рабочей силы БАМа оказалось, что 85% приезжающих на БАМ из всех национальных республик — русские. Например, представители азиатских республик составляли всего 2,5%, да и работали они в основном в сфере обслуживания. На следующий год по собственной инициативе провел аналогичное исследование еще на двух комсомольских ударных стройках: на КАТЭКе (Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс в Красноярском крае Сибири) и на строительстве завода «Атоммаш» в Волгодонске. Эти стройки также были объявлены молодежными и интернациональными. И здесь более 80% приезжавшей молодежи оказались русскими. По итогам трех исследований я сделал вывод, что из национальных республик стали выводить русскую молодежь под видом их направления на ударные стройки. Причина заключалась в следующем: социальные фонды в республиках стали скудеть, места в детских садах, квартиры, хорошо оплачиваемые рабочие места предо-

ставлялись в основном представителям титульного для соответствующей республики этноса, что создавало социальное напряжение. Чтобы не было социального взрыва, решили русскую молодежь переселить в Российскую Федерацию путем мобилизации на масштабные стройки. Тогда я сделал предложение, что СССР стоит перед распадом, и оказался прав. В 1985 году с сотрудником своей группы Е.В. Белкиным издал книгу «Формирование населения в зоне БАМ»⁶. Картину мы отобразили реальную, но ряд очень острых проблем освещать не стали (нам бы цензура не дала это сделать).

Следующий практический заказ на масштабное исследование поступил в НИЦ ВКШ в 1985 году от издательства «Молодая гвардия». Наблюдались перемены в спросе населения на литературу, что было вызвано изменением субкультуры послевоенного поколения, ставшего по численности основным в составе населения. Руководить исследованием поручили мне. Провел исследование как научное, делая акцент на динамике читательского интереса. Однако это исследование было и маркетинговым: изучались спрос, мотивация и характер покупки книг, тематический состав и комплектация домашней библиотеки, цель покупки книги (для себя, в подарок), хотя маркетинговые исследования официально в СССР не проводились по причине отсутствия рыночных отношений. Сначала мы сделали контент-анализ тематических планов издательства за период 1975–1985 годы, фиксируя также объем в печатных листах и цену книг. В тот период еще бытовала официальная позиция власти, доводимая до населения: в СССР нет инфляции и цены на товары десятилетиями остаются постоянными. Когда мы соотнесли динамику цены книги относительно одного печатного листа продукции и средний объем реализуемых населению книг, то оказалось, что в денежном выражении объем оборота за 10 лет не изменился, однако общий листаж изданных книг уменьшился на 40%. Так я увидел, что и в СССР есть латентная инфляция.

Проявилась также интересная функция книги: инженеры любили читать поэзию, а самыми «эрудированными» были таксисты — они читали все подряд, видимо, к этому их стимулировали разноплановые беседы с различными пассажирами, которых они перевозили. Я сделал вывод: масса читающих в метро, в электричках, по сути, окунаются в виртуальный мир, уходя от реалий своей жизни, то есть это та же функция, которую сегодня выполняют для людей гаджеты. Впервые сделал прогноз спроса и показал, что предстоят существенное снижение спроса на политическую и рост на справочную, историческую, биографическую литературу. Несмотря на маркетинговый характер исследования, его результаты широко обсуждались на форуме НИЦ ВКШ как научные. Кстати, полученные нами данные сравнил также с результатами исследований читательского интереса, проведенных в СССР в 1920-е годы.

В это время в СССР начался всплеск интереса молодежи к рок-музыке. Партийные органы решили не противодействовать этому, однако стремились взять под контроль деятельность и репертуар рок-групп. Первый крупный рок-фестиваль состоялся в клубе Института международных отношений (МГИМО). Я договорился с организаторами фестиваля о проведении опроса публики во время концерта. Изучали мотивацию интереса к рок-музыке. В организации опроса помогал также известный певец А. Градский, являвшийся одним из организаторов рок-фестиваля.

По ходу отмечу, почему относительно исследований рассказ получается эгоцентричный. В моей исследовательской группе только я был профессиональным социологом, остальные учились у меня. Принцип организации работы был (и по сей день остается) нетрадиционный, то есть строился не иерархически, как принято в учреждениях (управляющий директор, заместитель директора, заведующий подразделением и научные сотрудники разного ранга). У меня по-другому: я — весь институт (и организатор, и разработчик программы, анкеты, и автор отчетов), остальные помогали в работе, как правило, «колхозом», взаимодополняя и, если необходимо, заменяя друг друга. То есть модель такова: я строю дом, все остальные подносят кирпичи. Я и управляющий, и финансист, и работающий директор в одном лице, поэтому преемственности не получилось, и фирма прекращает свое существование.

В это время другой отдел планировал проведение исследования по политической культуре молодежи, и я подключился помогать им по разработке методики исследования. Отдел возглавлял профессор Ю.П. Ожегов, приглашенный в НИЦ из Новосибирска. По итогам исследования, я предложил организовать всесоюзную конференцию в Крыму, в Керчи, в то время там в горкоме партии работал мой знакомый В.К. Левашов (ныне директор ИСПИ РАН, преемник Г.В. Осипова на этом посту). Конфе-

⁶ Белкин Е.В., Шереги Ф.Э. Формирование населения в зоне БАМ. М.: Наука, 1985. — 149 с.

рению предложил провести по тематике не политической активности, а политической культуры молодежи. Могли не разрешить, так как КПСС это понятие еще не признавала, легитимным было понятие «политическая активность». Керченский горком партии был готов помочь в организации конференции, но требовалось разрешение партийного руководства в Киеве. У А.Г. Харчева в ЦК КП Украины был знакомый, которому он позвонил, и я поехал в Киев. Рассказал, что конференция будет посвящена проблематике политической активности, только мы решили, что у молодежи эта активность должна соответствовать идеологии партии, то есть быть культурной, поэтому и назвали конференцию «формирование политической культуры молодежи». На нее приехали в основном преподаватели общественных кафедр вузов, все участвовали с большим интересом. В день открытия конференции нам пришла поздравительная телеграмма из Свердловска от участников их конференции, которую организовал Л.Н. Коган также по формированию политической культуры молодежи. Так понятие «политическая культура» получило легитимность в СССР. В 1982 году мы с Ю.П. Ожеговым и Н.М. Блиновым издали небольшую книгу с названием «Политическая культура и молодежь»⁷. Конференция в Керчи длилась четыре дня, для участников затем устроили экскурсии по городу и на корабле. Во время одной из экскурсий ко мне подошли несколько преподавателей из вузов национальных республик Поволжья и поблагодарили за то, что я не отклонил их заявку на участие и пригласил на конференцию, так сбылась их многолетняя мечта побывать на родине своих предков. Оказалось, что они крымские татары, которым еще было запрещено посещать Крым, и гостиницы их не принимали (в паспортах имелась графа «национальность»). Организуя конференцию, я об этом вообще не думал, а в Керчи шефство над ее проведением взял горком партии, по его указанию для участников была выделена гостиница, и там никто не спрашивал, откуда и зачем приехали.

Во второй половине 1980-х годов из-за роста в стране алкоголизма был принят закон о борьбе с алкоголизмом. Проблематика меня заинтересовала. Изучил историю акцизов на алкоголь начиная с Петра I, причины введения «сухого закона» в 1914 году, перед Первой мировой войной, отмены «сухого закона» в начале 1920-х годов и экономической аргументации Сталиным этого шага в своем ответе иностранным рабочим. Также ознакомился с исследованиями по проблеме алкоголизма, проводившимися в России до 1910 года и в СССР в 1920-х годах. Решил провести общесоюзное исследование отношения населения к принятию «сухого закона». Результаты получились интересные, из данных «разило» коллективным ответом: «пили, пьем и будем пить». Сделал расчет величины среднего потребления алкоголя в единицах спирта на душу населения в СССР, сравнил этот показатель с аналогичными показателями в других европейских странах. Данные опубликовал в «СОЦИСе». После этого знакомый из Института им. Сербского сказал, что мой показатель алкоголизации населения СССР из статьи позаимствовало ЮНЕСКО и признало соответствующим действительности. Через год провел повторное исследование, чтобы проанализировать, как изменилось потребление алкоголя в условиях действия «сухого закона». Никак не изменилось, только выросла спекуляция самогонном, да таксисты приторговывали им по ночам.

В конце 1980-х годов был принят закон о кооперативах как предвестник начала перехода СССР к рыночным отношениям. Решил изучить, как население восприняло этот закон, и готово ли оно включиться в кооперативное движение. Через год провел повторное исследование, чтобы посмотреть, какова рыночная активность населения в рамках дозволенного в форме кооперативов. Активизировалась в основном та часть населения, которая занималась народным промыслом или оказывала услуги по ремонту жилья, автомобиля.

Многочисленные эмпирические исследования наполнили все мое время творческой деятельностью, но в итоге понял, что независимо от вариации проблематики остаюсь в рамках социальных отношений населения СССР. Эти отношения и так были хорошо мною изучены, разница заключалась в том, что на основе эмпирических данных я мог дифференцировать ситуацию по социальным группам и формулировать рекомендации в адрес комсомольских и партийных органов. При наличии свободного времени стал снова углубляться в социальную философию. Работу в сфере прикладной социологии считал хорошей профессией, однако в научном плане меня интересовало не отдельное государство, а человечество в целом. В начале 1980-х годов мой друг Григорий Папоян, аспирант И.Т. Левыкина,

⁷ Блинов Н.М., Ожегов Ю.П., Шереги Ф.Э. Политическая культура и молодежь. М.: Молодая гвардия, 1982. — 175 с.

заместителя директора ИКСИ, приступил к подготовке кандидатской диссертации по образу жизни населения и планировал провести небольшое исследование. У понятия «образ жизни» имелось много определений, и, какое взять за основу для эмпирического исследования, решить было нелегко. Взятая помочь операционализировать понятие «образ жизни». У меня была на венгерском языке книга талантливой венгерской социолога Агнеш Лошонци⁸. На базе данных эмпирического исследования она показала, что ценностная ориентация и предметная среда большей части венгров несут на себе архаику феодализма, особенно в аграрных регионах. Это натолкнуло меня на мысль, что понятия подобного уровня абстракции требуется анализировать в динамике, в ретроспективе, опираясь на принцип историзма. Посчитал, что необходимо сделать первичную операционализацию, и представил образ жизни в виде триады: массовое сознание, способ потребления, социальный тип личности. Такие триады построил по всем пяти уровням исторического развития цивилизации, потом сформулировал тесты, чтобы респонденты не затруднялись отвечать, и провел пилотажное исследование. Эмпирические типы получились эклектичные, тесты работали слабо, однако теоретическую модель продолжил развивать. Так, на базе этой модели определил, что религиозное сознание есть первичная форма экологического сознания. Проблемой экологического сознания занялся случайно, но потом пытался понять, в чем оно выражается. Интерес к экологическому сознанию был связан с моей научной коммуникацией с ленинградскими социологами.

Я всегда считал, что интеллектуальным генератором развития советской прикладной социологии являются ленинградские специалисты, поэтому проявлял повышенный интерес к деятельности ленинградских социологов. В начале 1980-х годов среди работавших в Ленинграде социологов был хорошо знаком с В.А. Ядовым, И.С. Коном, О.И. Шкартаном. Основная масса специалистов работали в Институте социально-экономических проблем (ИСЭП) академии. Выделялись два исследователя, с кем мне хотелось познакомиться: Б.М. Фирсов и Б.З. Докторов. В очередной поездке в Ленинград познакомился с ними, в беседах убедился, что по менталитету и человеческим качествам мы схожи, это и стало основой наших дружеских отношений, в том числе с Б.З. Докторовым уже не менее 40 лет. Предложил ему принять участие в готовящемся коллективном пособии по методам социологических исследований⁹, и он подготовил два раздела: по социометрии и по факторному анализу (кстати, учебное пособие в конце 1980-х годов перевели на монгольский язык и издали в Улан-Баторе). Б.М. Фирсов предложил мне участвовать в международном проекте по изучению экологической проблематики. Участвовали также Центр изучения общественного мнения Венгрии (руководил им Тамаш Сечке) и исследователи Тартуского университета (Эстония) Пээтер Вихалемм и Марью Лауристин. Тема была почти запретная, поэтому разработка проходила в основном в теоретическом плане. Также анализировались проблемы взаимодействия СМИ и населения в аспекте массовой коммуникации. Дискуссия шла по поводу того, корректно ли говорить о массовой коммуникации, являющейся обоюдо-направленной, или следует говорить только о средствах массовой информации, так как массы — как потребители — не имеют возможности непосредственно обмениваться информацией со СМИ и влиять на характер вещания. По сути, в латентной форме шла дискуссия о необходимости демократизации СМИ, о превращении их в рупор голоса масс.

В 1987 году вышло постановление об учреждении при Министерстве труда и профсоюзах Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), который возглавила Т.И. Заславская. В процесс подбора специалистов и организации работы ВЦИОМа также включился Б.А. Грушин. Комсомол старался не оставаться в стороне от новых инициатив, и было решено провести на базе дома отдыха в Московской области недельный симпозиум для комсомольского актива регионов об актуальности учета в организационной работе комсомола общественного мнения молодежи. Организацию симпозиума в декабре 1986 года поручили мне, в его содержательную часть никто не вмешивался. Б.А. Грушин приехал на симпозиум с супругой и дочерью и всю неделю участвовал в работе семинара — читал лекции. Выступали перед участниками семинара также М.К. Горшков, Б.М. Фирсов. В течение всего периода работы симпозиума присутствовал Яков Капелюш, он вел беседы с предста-

⁸ *Losonci Á. Az életmód az időben, a tárgyakban és az értékekben* [Временные, вещные и ценностные аспекты образа жизни]. Budapest: Gondolat, 1977. — 340 с.

⁹ Как провести социологическое исследование: В помощь идеологическому активу. Коллективная монография / Под ред. М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги. М.: Политиздат, 1985. — 223 с.

вителями молодежных организаций регионов на предмет создания региональной ячейки сбора информации для ВЦИОМа, то есть занимался организацией общероссийской сети интервьюеров. Симпозиум проходил очень активно, присутствовали и журналисты, к закрытию его работы приехало телевидение.

В 1988 году возглавляемое Эдуардом Шеварднадзе Министерство иностранных дел обратилось к Б.А. Грушину с предложением изучить отношение советских граждан к ООН, к выводу ограниченно контингента советских войск из Афганистана, к вопросу о возвращении Японии Курильских островов. Грушин был чем-то срочным занят и переадресовал МИД ко мне. Я провел исследование и подготовил отчет, после чего часть материала об отношении населения к возвращению Японии Курильских островов (более 90% опрошенных были против) МИД за моей фамилией опубликовал в газете «Известия», меня об этом не предупредив. Статья негласно была адресована Японии перед визитом туда Э. Шеварднадзе, МИД как бы продемонстрировал позицию общественного мнения по этой проблеме. За исследование МИД перевел на счет Комсомольской школы 3 тысячи долларов США. В моей практике это было первое исследование, выполненное на коммерческих условиях, и хотя я от этого дохода не имел, однако было приятно.

Во второй половине 1980-х годов комсомольским организациям разрешили создавать автономные молодежные творческие коллективы (МТК) с правом открытия счета в банке, а предприятиям — заключать с такими коллективами договора на выполнение творческих работ. Особенность этих отношений заключалась в том, что переведенные предприятиями в безналичной форме деньги за выполненные работы МТК имели право снять в банке наличными. Этим воспользовались предприятия, естественно, не без корысти для себя. МТК стали искать коллективы, способные самостоятельно выполнять работы для предприятий, чаще всего для последних бесполезные. Большие МТК кооптировали в свой состав работоспособные коллективы на условиях субподряда с удержанием в среднем 25% от оборота. Для исполнителей работ это были выгодные условия, и я открыл на условиях субподряда свою первую хозрасчетную организацию под названием «Центр социального прогнозирования “Логос”». Кооптирована она была в крупный МТК, учрежденный заместителем директора Института философии АН Андреем Зиновьевичем Синельниковым.

Работу в хозрасчетной организации совмещал с работой в Исследовательском центре Высшей комсомольской школы, что разрешалось. На российский рынок стали стремиться иностранные фирмы. Они нуждались в точной информации о менталитете и психологических особенностях советских граждан, и вскоре к государственной организации «Союзреклама» обратилась фирма «Огилви» с предложением помочь в проведении фокус-групп для тестирования проектов рекламы и малоизвестных советским людям товаров. «Союзреклама» исследованиями не занималась, но ситуация в стране менялась, и надо было корректировать свою деятельность. «Союзреклама» обратилась в ИКСИ, но там сказали, что маркетингом не занимаются, и направили ко мне. Я согласился участвовать в исследовании. Первыми приехали два маркетолога для тестирования пепси-колы в противовес кока-коле. Сказали, что надо провести фокус-группы в Москве и в Ташкенте. Я ответил, что опыта проведения фокус-групп у нас нет, но можем провести опрос. Однако им нужны были только фокус-группы, и они обещали помочь в их проведении. Собрали первую группу из 10 человек, вел ее я, помогал мой сотрудник А.Л. Арефьев. Маркетологи из США подсказывали, как формулировать вопросы, держать темп дискуссии или активизировать ее. Для меня было достаточно провести одну группу, чтобы уловить специфику этого социально-психологического метода тестирования подсознания потребителя. Вторую фокус-группу — среди старшеклассников школы — провел «без запинки», и представители «Пепси-колы» похвалили. Потом группу провел А. Арефьев, тоже удачно, он же полетел с представителями «Пепси-колы» в Ташкент. Рассчитывалась фирма с «Союзрекламой» валютой. У меня не было никакого коммерческого счета, но валютный счет за рубежом был у фирмы А.З. Синельникова, и причитающуюся сумму перевели на его счет. Однако он сказал, что перевести валюту в какой-либо советский банк не может по закону, поэтому предложил купить на эту сумму, за вычетом своих процентов, два персональных компьютера — цветной и черно-белый, которые разберет на части и ввезет в СССР как комплектующие. Я согласился, так впервые у меня оказались два компьютера, с которыми, естественно, работать не умел, но мог нанять специалиста. Компьютера не было даже у Высшей комсомольской школы (кстати, у ИКСИ тоже).

Чувствовалось веяние рынка. На работе все были напряжены, так как нервозность ощущалась в органах политического управления. Я воспринимал все перемены как переход из одного естественного состояния в другое естественное состояние. По приглашению политических организаций выступил с лекцией перед большими аудиториями в Москве, Костроме, Риге и Киеве об экономических причинах сталинизма, росте настроения сепаратизма на Кавказе и в Прибалтике (по результатам своих исследований), о перспективах развития государства. О вероятном распаде СССР не говорил, пока было не к месту, все равно аудитория не поверила бы. Говорил о предстоящем расширении демократии, свободы предпринимательства. В 1988 году был принят закон о кооперативах, официально разрешающий предпринимательскую деятельность, и далее эти возможности стали расширяться. С выходом закона об обществах с ограниченной ответственностью я ушел с субподряда и зарегистрировал Центр социального прогнозирования и маркетинга как ООО. Юридический адрес мне предоставил М.К. Горшков, который к этому времени стал директором Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСНП), учрежденного на основе Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ). Было условие: возглавить Центр мониторинга РНИСНП, чтобы одновременно обучить социологии часть персонала. Мне было по силам вести два центра, а совмещать одновременно руководящую должность в государственном и частном секторах закон не запрещал. Уволился из НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ и перешел в учреждение, которое возглавил М.К. Горшков. В состав коллектива Центра мониторинга входил и А.Г. Здравомыслов, но я предоставил ему полную автономию в работе.

Вхождение в рынок и застой в науке

Исследовательское ядро представлял коллектив моего частного центра, поэтому основное внимание уделял частной фирме, в том числе потому, что партия и государство больше не выделяли средств бывшему ИМЛ для проведения исследовательских работ. Наступали бурные времена стадии накопления первоначального капитала, которое, по определению Маркса, да и по своему естеству, могло быть только грабительским. Я понимал, что процесс вхождения страны в капитализм необратим, принял решение, что мой частный центр будет специализироваться только в области маркетинга, в целом прекратил научную коммуникацию и в течение последующих 10 лет не публиковал научных статей, кроме нескольких материалов в сборнике Института М.К. Горшкова (было положено по плану). От выполнения управленческих функций в той или иной государственной организации по конъюнктурным соображениям не смог отказаться до 2015 года. Это была скорее дополнительная нагрузка на Центр социального прогнозирования, чем автономная научная работа, то есть таким образом я выстраивал отношения с потенциальными заказчиками исследовательских работ. Свое отношение к продолжению научной карьеры в государственном учреждении я изложил В.А. Ядову после его приезда на постоянное жительство в Москву в связи с избранием его директором Института социологии РАН. Он пригласил меня к себе домой, предложил пойти заместителем директора в Институт социологии, наладить там проведение опросов общественного мнения. Отказался, объяснив, что идет переход к рынку, приватизация, децентрализация управления страной, и государство не будет расходовать средства на информационную работу, в которой не нуждается. На какие деньги ИС сможет ее авансировать, не имея собственного свободного капитала? Кроме того, интенсивность и универсальность работы у меня многократно выше, чем это может компенсировать государство в форме заработной платы; я не честолюбив, поэтому в «статусе» не нуждаюсь, и усилия свои намерен направить на решение бытовых проблем семьи — детей, внуков, — а не на карьеру, в том числе научную. То же самое ответил своим коллегам годом ранее, когда предложили выйти на защиту докторской степени по совокупности публикаций. Ответил, что не вижу смысла тратить время на формальную деятельность (хотя тему докторской по категориальным моделям в социологии ранее утвердил на ученом совете Института социологии). Это не был снобизм, условия в государстве изменились, и серьезного заказчика не интересовало, какая у меня степень, он ориентировался на качество продукции, то есть на достоверность и репрезентативность информации. Кроме того, стала распадаться система общественной науки в идеологических учреждениях, в вузах, и некоторые академические институты стали превращаться в «отстойники» для невостребованных обществоведов.

Что касается социально-экономических изменений в стране, то я не видел в этом проблем, в истории менялись политические системы стран, сами государства и народы уходили с исторической сцены. Это результат эволюции социума, и надо не причитать, а адаптироваться и искать пути к компро-

миссу, чтобы уравновесить общественные отношения. В 1980–2000-х годах объездил многие страны мира, включая Монголию, Китай, Англию, Францию, Италию, Германию, Испанию, Грецию и др., политические системы разные, но в способе жизнедеятельности населения не увидел разницы с советскими людьми (как на птицеферме — что в СССР, что в США или Китае: кудахчут, просят есть, потом клюют комбикорм или пшено, затем несут яйца, и этот цикл повторяется поколениями). Поэтому не видел прогресса в социальном познании, анализируя проблемы единственного объекта — России. Можно формировать социальную статистику, правила ясны и потребитель — данное государство или иные органы управления, бизнеса. Задачи науки выходят за пределы одного государства. А прикладные исследования потому и называются «американская, российская, венгерская и т. п. социология», что ограничиваются задачами управления конкретного государства.

Решение было принято: на время из науки ухожу, занимаюсь только построением маркетингового центра. Далее позиционировал себя только как коммерческая организация. В стране начиналась ломка социально-экономических отношений, в социальных связях стала проявляться анархия, у организаций и людей резко выросла потребность в информации. Весь дальнейший период деятельности моего центра делится на две части: первая — 1990-е годы, вторая — весь последующий период.

В течение 1990-х годов Центр социального прогнозирования выполнял три вида заказа: экономический маркетинг, политический маркетинг, тематические исследования. В связи с ростом востребованности исследований потребительского спроса населения, а также электоральных опросов, в которых реальные события являлись индикаторами точности прогноза, моей основной задачей стала разработка устойчивой модели выборки для Российской Федерации. Случайная выборка в СССР и в России была чревата большими ошибками смещения из-за характера расселения населения по городским районам и домам. Жилые дома группировались вокруг предприятий и учреждений, которые эти дома строили. Так, руководящие партийные органы строили свои дома в центре города или ином элитном районе, заводы — на смежной местности или на окраине города, где были свободные территории. Далее, во всех домах независимо от того, кто их строил, жильцы располагались по профессиональному статусу: уборщицы, подсобные рабочие — на первых и последних этажах, повыше — слесари, работники канцелярии и др., в середине и до предпоследнего этажа — руководители среднего звена. Высшие руководители в многоэтажных домах не жили. Если интервьюеру задать маршрут отбора респондента — скажем, каждую 25-ю квартиру, и она по счету всегда попадала на первый этаж, хотя и в разных подъездах, а то и в разных домах, — в выборку все равно попали бы одни уборщицы и подсобные рабочие. Единственно приемлемой в условиях традиций расселения в СССР, оставшейся в наследство в России 1990-х годов, была модель квотной выборки, которую я хорошо знал. Знал и то, что все оценочные суждения населения по своей направленности определялись условиями жизни респондента, мне самому пришлось пересчитывать уровень доходов, который, в свою очередь, зависел от социально-профессионального статуса индивида. Поэтому в основу квот я заложил социально-профессиональный статус населения в возрасте 18 лет и старше, выделив 12 групп, в том числе студентов. Устойчивыми показателями Росстата являлись численность сельского населения, пенсионеров, студентов, безработных, представителей малого и среднего бизнеса, а далее самому пришлось пересчитывать квоты, так как в официальной статистике профессиональных групп была эклектика. Далее следовали пропорция по территории и типам поселения. В СССР экономистами были выделены 12 территориально-экономических районов, отличавшихся уровнем индустриализации, урбанизации, развития социальной сферы. На следующей ступени пропорции рассчитывал по доле населения соответствующего возраста в поселениях пяти типов: мегаполисы (Москва и Ленинград), административные центры субъектов РФ, районные города, поселки городского типа (пгт) и села. Эффективность выборки была отличной, ни разу средняя ошибка прогноза голосования за основного кандидата или партию не превышала 2,5%. Последний раз показатель точности сверил в марте 2024 года на выборах Президента РФ. Исследование не было нацелено на выборы, однако заказчик (Институт социологии РАН) включил в анкету один вопрос: за кого собираются проголосовать? По полученным данным на 3 марта (голосование завершалось 17 марта), посчитал, что участвовать в голосовании будут 72,9% (по факту — 73,3%); в составе принявших решение участвовать в голосовании доля сторонников В. Путина — 83,8% (по факту — 87,3%). За две недели до голосования это хороший показатель.

Электоральные опросы общероссийского, московского, регионального уровней я проводил большое количество до начала 2000-х годов, и эти исследования как коммерческие, были очень рента-

бельными. По выборам Президента РФ последнее исследование провел в 2008 году, вскоре прекратились заказы и на электоральные опросы по выборам в Государственную Думу. Точной причины снижения накала избирательных кампаний и интереса к их освещению социологами не знаю.

Что касается маркетинговых исследований, с «Огилви» работал активно до 1996 года по оценке эффективности рекламы и тестированию новых товаров, ввозимых в Россию иностранными компаниями. К этому времени у западного бизнеса появились корпоративные связи с представителями муниципалитетов, все решалось директивно, и потребность в изучении рынка отпала, так как не было конкуренции. Российские маркетинговые заказы были в основном связаны с учреждением на финансовом рынке новых банков, число которых к концу 1990-х годов достигло не менее 1600. Изучал поведение населения на финансовом рынке, потенциальное пользование банковскими ячейками, установки на пользование кредитными картами, оптимальное размещение филиалов с учетом радиуса доступности для населения. В течение 5 лет проводил исследования для Центробанка по проблематике спроса коммерческих организаций на кредиты, соблюдения финансовыми организациями законов, регулирующих деятельность банков, ожидания населения от вводимого государством страхования вкладов, инвестиционного поведения населения перед и после деноминации рубля, а также после финансового кризиса 1998 года.

Были заказы и по содержательным темам, в частности, в 1994 году заказали исследование удовлетворенности кадровых офицеров всех родов войск условиями своей жизни и их политических установок. Условия жизни и политические установки не отличались от тех, которые были характерны для населения в целом. Протестное настроение полностью отсутствовало, только многие офицеры собирались прекратить контракт и уехать в те республики, в которых проживали до службы в армии, так как эти республики стали самостоятельными государствами, и надо было успеть получить там гражданство. В конце 1990-х годов снова пришлось изучать мнение кадровых офицеров в связи с предстоящим сокращением штата в армии. Их волновали две проблемы: возможность после увольнения уехать для проживания в южные регионы страны (очень многие хотели уехать жить в Краснодарский край), а также собственное трудоустройство по гражданской профессии и трудоустройство супруги.

В 1994 году ко мне обратилась В.Г. Харчева, супруга покойного А.Г. Харчева. В это время она работала профессором на социологическом факультете МГУ. Проблема заключалась в следующем. Министерство высшего образования в 1992 году учредило Центр социологических исследований, однако вместо исследований по проблематике образования он занялся политическим мониторингом. Директора уволили и обратились к Харчевой с предложением по совместительству возглавить этот центр. Центру выделялись деньги только на заработную плату, и то нерегулярно, поэтому проводить исследования было затруднительно. Центр — как бюджетная организация — по закону не имел права выполнять коммерческие работы. Естественно, опросной сети у него не было, и программиста тоже. Предложила оформиться в центр на должность заместителя директора и взять его «на буксир», помогая в проведении исследования. Согласился помочь, так как, имея коммерческие заказы, мог выделять какие-то средства на исследование, которое заключалось в основном в зондаже социально-психологической атмосферы в среде вузовского студенчества (министерство опасалось, как бы не было в России повторения студенческих волнений по типу 1968 года в Европе). В итоге оказался в трех должностях: возглавлял коммерческую фирму, Центр мониторинга у Горшкова и был заместителем директора в Центре социологических исследований Министерства высшего образования. Законом это не запрещалось, то есть количество рабочих мест не ограничивалось. Естественно, стержневым являлся мой центр, у него были коммерческие заказы и деньги, специалисты по компьютерной обработке данных и опробованная на практике опросная сеть по стране.

С периода завершения аспирантуры количество проведенных мной исследований было очень большим. Сам структурировал объекты исследования, составлял анкеты и сценарии фокус-групп, писал основную массу отчетов по итогам исследования. В голове уложилась масса информации о различных социальных и институциональных связях в стране, и я уже не видел науки в исследовании проблем, касающихся страны. Когда было немного свободного времени, читал классических социальных философов и обдумывал логику построения категориальных моделей. К научной тематике приобщался раз в году, когда М.К. Горшков проводил итоговую конференцию с приглашением ученых из других исследовательских и образовательных учреждений. В соответствии с темой конференции отдавал в сборник небольшую статью. В 1996 году конференция проводилась по теме «История реформ

в России». Тема была органичной для Института социальных и национальных проблем, так как большинство сотрудников были историками. Я не собирался выступать по этой теме и не подготовил даже тезисы. Выступлений было много, затрагивали реформы имперского периода, доходили до революции 1917 года, но на этом все останавливались. Ближе к завершению дискуссии я попросил слово и задал вопрос: «Где в цепи реформ находится СССР? Это Россия или какое-то другое государство, жившее по принципам единственного еврея — Маркса?» Зал молчал. Тогда М. Горшков мне сказал: «Сам вопрос поставил, сам на него и отвечай».

По итогам конференции готовили сборник, и мне пришлось искать ответ на вопрос, который сам же поставил. Занялся анализом исторической литературы. Ранее коллектив Института марксизма-ленинизма издал большой энциклопедический справочник биографий известных революционеров России. Там были указаны и псевдонимы, и фамилии. Оказалось, костяк революционеров — в основном украинские евреи. Неудивительно, ведь еще Екатерина II обозначила черту оседлости евреев в Западной Украине и в Белоруссии (в 1940 году доля евреев среди жителей Минска составляла 50%), а европейские государства вытеснили евреев в основном в Польшу. Чтобы иметь право торговать в других городах, направить детей обучаться в Киев, еврей должен был креститься, к чему и прибегали мужчины: они женились на украинках, брали фамилию жены. Эта работа подвела меня к идее, что глобальный анализ причин социальных явлений невозможен без этногенеза. Подготовил материал, который разместил в сборнике РНИСНП¹⁰, историки согласились с моими выводами. Это был мой первый опыт анализа эволюции общества сквозь призму этногенеза. В последующем сделал вывод: доминирующая роль евреев в создании фискального государства — цивилизационное явление, и оно не ограничивается Россией или США, латентно присутствует во всех рыночных государствах или через прямое участие в политическом управлении, или опосредовано — через финансовую систему (Япония, Китай). Фискальная система — единственная форма баланса равновесия в рыночном государстве и возможность перераспределения накоплений в бюджет для развития науки, образования, медицины, создания социальных фондов. Однако эта модель государства порождает противоречие между городом и селом, последнее город постепенно уничтожает, а также между той частью населения, которая занята в производстве товаров массового потребления, и той частью, которая занята в оборонной промышленности, в решающей степени зависящей от бюджетных субсидий и поэтому содействующей милитаризации государства. Последнее связано с тем, что новые инвестиции требуют предварительно провоцирования локальных войн, чтобы использовать старую технику, а потом просить бюджетные ассигнования для восполнения запаса оружия. В итоге эти противоречия взорвут фискальное государство, и оно — как историческое, а посему переходное образование — будет реструктурировано. Когда именно? Ответ на этот вопрос требует теоретического анализа.

Так как к 2000 году и потребительский, и политический маркетинг стали сокращаться, осознал необходимость поиска других заказов. В 2000 году В. Харчева эмигрировала в США, Центр социологических исследований Министерства высшего образования пришлось бы закрыть, если бы отказался от его поддержки. У министерского Центра были две небольшие комнаты в министерстве, я же в 1999 году купил для своего центра отдельный офис в бывшей гостинице. В Министерстве меня попросили возглавить временно Центр, пока найдут нового директора. Это «временно» затянулось до 2015 года. В начале 2000-х годов Министерству дали указание допускать частные фирмы к участию в конкурсах на выполнение научных работ. Проекты были крупные — для выполнения больших работ предоставляли от одного до трех лет. Решил участвовать в конкурсах со своей частной организацией, поэтому предпочел поддержать полноценное функционирование министерского Центра, безвозмездно выделив для него хорошие площади в своем офисе. Также безвозмездно обрабатывал информацию и др. Частная организация стала участвовать в конкурсах и выполнять большие объемы научной работы, вплоть до 2019 года. Во второй половине 2000-х годов был принят закон о конфликте интересов, и совмещение руководящих постов одновременно в государственной и частной организациях, если они работали в идентичной отрасли и их интересы пересекались, было запрещено. По этой причине я передал руководство частной организацией своему сыну. И вновь занял этот пост только в 2013 году, когда уволился из государственной организации в возрасте 71 года.

¹⁰ *Шереги Ф.Э.* Этническое развитие российского государства // Судьбы реформ в России. Материалы научной дискуссии. М.: РНИСНП, 1997. С. 53–78.

Основная масса проектов, которые выполнял частный Центр социального прогнозирования, относится к проблематике развития образования, трудоустройства выпускников вузов, участия студентов и аспирантов в научной работе, социального положения преподавателей и учителей, работы детских оздоровительных лагерей в каникулярный период, взаимодействия науки и производства, развития импортозамещения, тенденций диверсификации российских производителей на международный рынок товаров и услуг, мотивации обучения иностранных студентов в российских вузах, распространения русского языка в мире — это обширное международное исследование¹¹.

В 2002 году В. Путин остро обозначил проблему борьбы с беспризорностью, а также с наркотизацией молодежи. Разработку этих тем нам поручили в рамках проектов Министерства образования. Ежегодный мониторинг потребления молодежью психоактивных веществ (наркотики, алкоголь, табак) проводил в течение 10 лет, выявляя тенденцию. По беспризорным провели два исследования — и в столице, и в областных, и в районных городах, и даже в селах. Исследование потребления молодежью психоактивных веществ проходило по квотной выборке, брались пропорции по каждому году в возрастной группе 11–24 лет, а сделать репрезентативную выборку в исследовании беспризорных было трудно из-за отсутствия точной статистики, но постарались охватить беспризорных во всех видах мест их пребывания. Также изучалась эффективность работы с детьми в семьях с неблагоприятными условиями¹².

Работавшая в Москве группа ЮНЕСКО обратилась ко мне провести ряд исследований: об отношении в школьной среде к ВИЧ-инфицированным детям, об отношении населения к детям-инвалидам, о работе психолого-педагогических комиссий с детьми с особыми потребностями, о работе в Санкт-Петербурге перинатальных центров по оказанию консультационной помощи матерям с годовалыми детьми. Отчеты по итогам исследований заказчику понравились, и меня попросили объединить все результаты в одну книгу, приложив методический инструментарий исследований, и издать, что я с удовольствием сделал¹³. Группа ЮНЕСКО верстку книги выложила на свой сайт для ознакомления и указала координаты моего Центра социального прогнозирования, чтобы другие организации могли консультироваться при проведении аналогичных исследований. Мне потом звонили из Молдавии и ряда российских областей, консультировались, как лучше построить исследование.

Наиболее интересными считаю два исследования, которые выполнял в рамках конкурсов, объявленных Национальным исследовательским ядерным университетом «МИФИ»: исследование причин суицида среди молодежи и исследование дистанционного образования в ситуации форс-мажора (пандемии COVID-19). Изучил книгу «Самоубийство» Э. Дюркгейма, ряд других зарубежных работ, рассматривавших проблему с позиции статистики и психологии, но социологических изысканий по этой проблеме не нашел. Для разработки методического инструментария сначала провел по стране экспертный опрос психиатров, психоаналитиков и психологов. Потом провел интервью 5 тысяч молодых людей в возрасте 11–24 лет, после завершения анализа данных вновь опросил тех же экспертов, выслал им одновременно с анкетой аналитическую записку по итогам исследования молодежи. В ходе массового опроса одновременно изучил практику пирсинга, тату, некрофильской символики, интерес к музыке различного жанра, пристрастия к играм в Интернете, которые мы потом сгруппировали по

¹¹ Результаты большинства исследований опубликованы в следующих работах: *Шереги Ф.Э.* Социология образования: прикладные исследования. М.: Academia, 2001. — 464 с.; *Шереги Ф.Э., Стриханов М.Н.* Наука в России: социологический анализ. М.: ЦСП, 2006. — 456 с.; *Осинов Г.В., Стриханов М.Н., Шереги Ф.Э.* Взаимодействие науки и производства: социологический анализ. В 2-х частях. М.: ИСПИ РАН, 2014. Часть I — 362 с.; Часть II — 368 с.; *Стриханов М.Н., Шереги Ф.Э.* Детский отдых и оздоровление: проблемы организации, содержание, воспитательный эффект. М.: ЦСПиМ, 2015. — 220 с.; *Шереги Ф.Э., Арефьев А.Л.* Кадры управления образованием: социологический анализ. М.: ИСПИ РАН, 2017. — 220 с.; *Шереги Ф.Э., Арефьев А.Л.* Социология труда. Условия труда педагогов. М.: Юрайт, 2017. — 226 с.; *Осинов Г.В., Шереги Ф.Э.* Социология образования и науки. Интеграция университетской науки и производства. Учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2018. — 360 с. и др.

¹² Результаты этих исследований опубликованы в работах: *Шереги Ф.Э.* Социология девиации: прикладные исследования. М.: ЦСП, 2004. — 344 с.; *Шереги Ф.Э., Арефьев А.Л.* Наркотизация в молодежной среде: структура, тенденции, профилактика. М.: ЦСП, 2003. — 600 с. и др.

¹³ *Шереги Ф.Э.* Дети с особыми потребностями. Социологический анализ. М.: ЦСП, 2003. — 140 с.; *Шереги Ф.Э.* Проблемы формирования толерантного отношения к ВИЧ-инфицированным в образовательной среде. Социологический анализ. М.: ЦСП, 2006. — 88 с.

типам. На базе полученных материалов построил логику профилактики суицида среди школьной молодежи. Начинала разработку проблемы большая межведомственная комиссия, заседания проходили в Министерстве образования и науки. Затем комиссия распалась, я опубликовал одну статью по просьбе комитета по организации первого международного конгресса психиатров стран СНГ, разместил ее в журнале, заказав весь тираж и передав его оргкомитету конгресса для раздачи участникам¹⁴. Основной объем материала, полученного по итогам исследования, не опубликован, а надо бы опубликовать.

В условиях ковида наряду с оценкой эффективности дистанционного образования была также измерена динамика психологического самочувствия студентов и преподавателей до объявления самоизоляции, в условиях самоизоляции и после отмены самоизоляции. Шкала самооценки содержит 10 градаций психологического самочувствия. Результаты опубликованы в нескольких работах¹⁵.

Наряду с собственными проектами, мы помогали проводить полевые этапы исследований для Института социологии (М.К. Горшков), ИСПИ РАН (Г.В. Осипов, В.К. Левашов), Высшей школе экономики (О.И. Шкаратан, Л.Г. Ионин, Р.В. Рывкина¹⁶), Л.Л. Рыбаковскому, выполнявшему проекты по линии Министерства труда и Министерства здравоохранения. Р.В. Рывкина выполняла проекты при субсидировании Фондом им. А.Д. Сахарова. Последнее исследование было по образу жизни евреев в России.

Было еще много менее масштабных исследований, что естественно в рыночной суете (решал не я, что исследовать или какие работы выполнять, а заказчик). Это были взаимовыгодные сугубо рыночные отношения.

В середине 1990-х годов мы с М. Горшковым опросили участников социологического форума, проводившегося в Москве. С профессиональной точки зрения картина была неприглядная: две трети из них — бывшие преподаватели истории КПСС, исторического материализма, научного коммунизма. Им требовалось пройти переквалификацию, но книг по социологии в регионах не было, они не могли даже посмотреть какой-то пример, как проводится исследование и как систематизируются его результаты. Немногочисленные издаваемые по прикладной социологии книги оседали в основном в Москве и Санкт-Петербурге, торговым организациям было нерентабельно развозить книги по вузам малым тиражом. На местах исследования практически не проводились, для этого не было денег — несколько миллионов рублей для каждого масштабного исследования. Да и навыка проведения социологического исследования не было. К 2000 году у нас накопилось много данных по прикладным исследованиям. Кроме того, решил вернуться в науку, ориентируясь в бизнесе преимущественно на научные проекты, а значит, требовалось возобновить публикацию научных работ (это было предусмотрено условиями конкурса). Решил совместить три задачи: выполнение требований конкурса, содействие повышению квалификации региональных социологов, сделать широкую рекламу для Центра социального прогнозирования в научной среде.

В 2000–2003 годах издал свои книги, содержащие аналитическое изложение результатов общесоюзных (период СССР) и общероссийских исследований: «Социология политики», «Социология образования», «Социология права», «Социология предпринимательства»¹⁷. Вместо предисловия в каждой книге изложил категориальную модель соответственно политики, права, образования, предпринима-

¹⁴ Шереги Ф.Э. Суицид среди детей и подростков: тенденция и возможность профилактики // Журнал Социальные технологии, исследования. 2019. № 1. С. 31–45.

¹⁵ Глава 4. Дисфункция подготовки инженерно-технических специалистов в экстремальных условиях // Шевченко В.И., Шереги Ф.Э., Стриханов М.Н. Воспроизводство инженерно-технических специалистов: Ретроспектива и современность. М.: НИЯУ «МИФИ», 2023. С. 278–300.

¹⁶ Результаты исследований, проведенных для Р.В. Рывкиной, отражены в книгах, изданных Центром социального прогнозирования: Рывкина Р.В. Как живут евреи в России. Социологический анализ перемен. М.: ЦСП, 2005. — 577 с.; Рывкина Р.В. Социальные болезни современной России. Публицистическое исследование. М.: ЦСПиМ, 2011. — 244 с.

¹⁷ Шереги Ф.Э. Социология политики: прикладные исследования. М.: Центр социального прогнозирования, 2003. — 683 с.; Шереги Ф.Э. Социология образования: Прикладные исследования. М.: Academia, 2001. — 464 с.; Шереги Ф.Э. Социология права: прикладные исследования. СПб.: Алетей, 2002. — 477 с.; Шереги Ф.Э. Социология предпринимательства. Прикладные исследования. М.: Центр социального прогнозирования, 2002. — 535 с.

тельства. Это концептуальное изложение имеет больше эвристический, чем доказательный, характер. Книги издал по тысяче экземпляров и разослал в библиотеки и общественно-научные кафедры основных вузов страны. В последующем стал широко привлекать соавторов, чтобы придать своему центру облик крупной научной организации, что давало преимущества при участии в конкурсах. Тираж книг снизил до 500, в ряде случаев до 300 экземпляров, так как для целевой рассылки в крупные вузы больше не требовалось. Стал издавать и по просьбе других авторов. С 2000 по 2020 год издал не менее 240 книг¹⁸, 90% — за свой счет, и все разослал в библиотеки и на кафедры вузов. Издавал всех авторов, без коррекции на личные отношения. Мне вообще чужд стиль работы в виде критики оппонента. Каждый имеет право излагать свое видение научной проблемы. Если мне какая-то концепция не импонирует, просто игнорирую, но не переношу на межличностные отношения. Именно по этой причине старался никогда не участвовать в конференциях и симпозиумах теоретического характера.

С М. Горшковым издал монографии по проблемам молодежи, национальному проекту «Образование»¹⁹, по подготовке специалистов интеллектуального труда в вузе²⁰; совместно с А. Арефьевым издал ряд сборников по статистической характеристике динамики численности иностранных студентов, обучающихся в российских вузах²¹; книги о потреблении наркотиков в молодежной среде²²; в течение 20 лет готовил сборники с прогнозом численности обучающихся в организациях с временным лагом прогноза на 15 лет и т. д.²³ В общей сложности сам и в соавторстве подготовил и издал не менее 60 книг. Не считаю их научными, скорее, они выполняют инструментальную функцию информирования о социологической работе Центра социального прогнозирования.

В середине 2000-х годов решил переиздать ряд работ социологов предыдущего поколения и разослать в вузы. Логически объединил три изданные в СССР книги В. Шляпентоха в единую книгу о достоверности социологической информации²⁴. Переиздал книгу А. Харчева под новым названием²⁵, книгу И. Чангли «Труд»²⁶, две брошюры М. Руткевича²⁷ про образовательную структуру населения России и об уральской философской школе, ряд работ Б. Докторова²⁸, самая крупная из которых —

¹⁸ Список из более чем 200 изданных книг см. в: *Арефьев А.Л.* К 25-летию Центра социологических исследований (ФГАНУ «Соционцентр») // *Образование и наука в России: состояние и потенциал развития.* № 3. 2018. С. 614-631. — *Прим. ред.*

¹⁹ *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Российская молодежь в контексте социологического анализа. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. — 262 с.; *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. — 680 с.

²⁰ *Горшков М.К., Шереги Ф.Э., Тюрина И.О.* Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: социологический анализ. М.: ИС ФНИСЦ РАН, 2023. — 383 с.

²¹ Пример двух типов ежегодных изданий: *Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э.* Экспорт российских образовательных услуг. Статистический сборник. Выпуск 6. М.: ЦСПиМ, 2016. — 408 с.; *Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э.* Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации: Статистический сборник. Выпуск 13. ФГАНУ «Центр социологических исследований», 2016. — 192 с.; а также: *Арефьев А.Л., Чепурных Е.Е., Шереги Ф.Э.* Международная деятельность в области образования: практика, исследования, анализ. М.: ЦСП, МИД России, 2005. — 352 с.

²² Наряду с ранее упомянутой: *Шереги Ф.Э., Арефьев А.Л.* Наркоситуация в молодежной среде: структура, тенденции, профилактика. (В помощь образовательному учреждению: «Профилактика злоупотребления психоактивными веществами»). М.: Изд-во ТГЕНЖЕР, 2003. — 396 с.; *Шереги Ф.Э., Зайцев С.Б.* Оценка наркоситуации в среде детей, подростков и молодежи. М.: Моск. гор. фонд поддержки школьного книгоиздания, 2004. — 155 с.

²³ Один из последних: *Шереги Ф.Э., Арефьев А.Л., Константиновский Д.Л., Ключарев Г.А.* Численность обучающихся, педагогического и преподавательского персонала, потенциального числа образовательных организаций всех уровней образования: прогноз до 2035 года. М.: ЦСПиМ, 2017. — 408 с.

²⁴ *Шляпентох В.Э.* Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: ЦСП, 2006. — 664 с.

²⁵ *Харчев А.Г.* Социология семьи: проблемы становления науки. М.: ЦСП, 2003. — 342 с.

²⁶ *Чангли И.И.* Труд. Издание 2-е, дополненное. М.: ЦСПиМ, 2010. — 607 с.

²⁷ *Руткевич М.Н.* Образованность населения России конца XIX – начала XXI вв. М.: ИСПИ РАН, 2007. — 72 с.; *Руткевич М.Н.* Развитие философии и социологии в Уральском университете (40-70 гг. XX в.). М.: ЦСП, 2003. — 92 с.

²⁸ *Докторов Б.З.* Отцы-основатели: история изучения общественного мнения. М.: ЦСП, 2006. — 488 с.; *Докторов Б.З.* Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения. Судьбы творцов. М.:

электронный девятитомник «Современная российская социология: историко-биографические поиски» (2016); предложил Д. Константиновскому тематически объединить свои статьи о школьном образовании и издал их в виде книги²⁹ (2008). Объединил две ранее изданные книги В.Н. Шубкина и издал с новым названием под грифом Института социологии РАН³⁰. У меня вызвало отрицательное впечатление, что собственная организация не проявила внимание к известному социологу и не нашла возможность переиздать его книгу. В один из дней позвонил Б. Докторов и сказал, что Высшая школа экономики запланировала издание книги В.А. Ядова «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности», но по плану деньги на это будут выделены через два года, а В. Ядов тяжело болен, о чем я не знал. Без рассуждений взялся за издание книги, набрали новую верстку и обновили рисунки, так как для первого издания их рисовали от руки. На внутренней обложке указал Высшую школу экономики и Институт социологии РАН по желанию В.А. Ядова³¹. Издал также книги А.В. Дмитриева «Провокация» и «Скандал»³², ряд книг Л.Л. Рыбаковского по социальной демографии³³, Ж.Т. Тощенко по социологии управления и политическим отношениям и др.³⁴, В.К. Левашова по международным отношениям³⁵ и многих других авторов.

Все изданные книги попали в библиотеки вузов и, естественно, по обязательной рассылке в центральные библиотеки страны. Кроме того, ряд книг передал безвозмездно издательству «Юрайт» для переиздания. Надеюсь, что изданием такого количества социологической литературы и их рассылкой по всей стране способствовал повышению социологической культуры, обеспечил эмпирические материалы для студентов и аспирантов, которые они смогли использовать для подготовки курсовых или диссертаций. Для более широкого распространения изданных материалов, да и других социологических работ открыл сайт Центра социального прогнозирования, однако в 2021 году, предвидя осложнение социальной ситуации по причине международного конфликта, закрыл его. Несколькими годами ранее я осознал цикличность процесса активизации и затухания социологической практики и с 2010 года ощущал постепенное свертывание прикладных исследований, сокращение конкурсов и субсидий по социологии, постепенный переход от практики 1920-х к практике 1930-х годов: снижение потребности в информации, усиление директивности государственного управления, начало национализации, выдавливание из страны олигархов и милитаризация экономики, в том числе по причине внешних угроз. Постепенно появились «ярлыки» типа «иноагент», «нежелательный» (в стране) и т. п. Социологическая информация может интерпретироваться по-разному, предпочел не ставить под удар ни коллег, ни свою фирму.

Новых знаний относительно функционирования государства из эмпирических исследований уже не получал, на этом уровне социальных отношений мне все стало ясно. В 2019 году дал обширное интервью, в котором отобразил социальную суть российской государственности, добавить мне нечего и

ЦСПиМ, 2008, — 627 с.; Докторов Б.З. Современная российская социология: историко-биографические поиски. В 9-ти томах. Электронное издание. ЦСПиМ, М.: 2016. — 5901 с., с илл.; Докторов Б.З. Хроника президентской избирательной кампании в США 2016 года. Опыт социологического наблюдения социального процесса. Электронное издание. М.: ЦСПиМ, 2017. — 352 с.; Докторов Б.З. Нескончаемые беседы с классиками и современниками. Опыт историко-биографического анализа. М.: ЦСПиМ. 2018, — 440 с.

²⁹ Константиновский Д.Л. Неравенство и образование: опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М.: ЦСПиМ, 2008. — 552 с.

³⁰ Шубкин В.Н. Социология и общество: научное познание и этика науки. М.: ЦСПиМ. 2010. — 424 с.

³¹ Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция / Коллектив авторов; Под ред. В.А. Ядова. М.: ЦСПиМ, 2013. — 376 с.

³² Дмитриев А.В., Сычев А.А. Провокация: социофилософские очерки. М.: ЦСПиМ, 2017. — 336 с.; Дмитриев А.В., Сычев А.А. Скандал: социофилософские очерки. М.: ЦСП, 2014. — 323 с.

³³ Демографический понятийный словарь / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2003. — 352 с.; Практическая демография / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2005. — 280 с.; Стратегия демографического развития России / Под ред. В.Н. Кузнецова и Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2005. — 208 с.

³⁴ Тощенко Ж.Т. Социология управления. Учебник для вузов. М.: ЦСПиМ, 2011. — 300 с.; Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: ЦСПиМ, 2015. — 668 с.; Тощенко Ж.Т., Цветкова Г.А. Социология труда. М.: ЦСПиМ, 2012. — 464 с.

³⁵ Левашов В.К. Российское государство и общество в период либеральных реформ. М.: ЦСПиМ, 2013. — 456 с.

эмпирические данные ничего добавить не смогут³⁶. Все мои проблемные, острые статьи публиковал журнал «Социальные технологии, исследования», хотя заказывали их центральные журналы, но потом боялись публиковать, чтобы не ссориться с властью, которая их кормит. Кстати, я никогда не писал серьезные статьи сам по себе, они всегда были заказные.

Абсолютизация прикладной социологии как основной социальной науки нанесла огромный вред социологической гносеологии. Она играет примерно ту роль, которую в СССР играла пятая колонна, настроив власть против генетики и кибернетики: ни в одной стране политическая власть не заинтересована в общественной науке, почему и в России по сей день не объявляют, какую политическую систему строит власть, а социальные и экономические теории марксистов предали забвению, хотя они единственные рассматривали общество как целостное мировое образование. Они исходили из природы, а не от субъективного хотения какой-то корпоративной группы или нормативов общества, которое с позиции истории является бранным, как и его нормы и ценности. Зачем рассуждать в целом? Есть сороконожка, государство оплатит изучение динамики каждой ноги, с применением законов физики, причем отдельно при изучении движения вперед и отдельно при изучении движения назад — итого 80 грантов. И интерпретация данных эмпирических исследований часто субъективная. Например, если спросить в любой стране граждан о мотивах военной операции на Украине, последуют ответы в соответствии с интерпретацией в газетах или ТВ, Интернете, по некоторой шкале согласия или несогласия. Чем продиктована уверенность исследователя в том, что истинная причина явления соответствует мотивации, излагаемой в СМИ? Нормативная жизнь субъективна, и по ее нормам и ценностям можно строить только мифологемы.

Эмпирическую социологию я делал как рутину, по известным правилам выполняя коммерческий заказ. По ходу убедился, что все выявленное мной эмпирически я знал концептуально заранее. С завершением коммерческой активности вновь вернулся к тому, на что меня внутренний позыв ориентировал всю жизнь.

Мое эмоциональное состояние идентично тому, что возникло в 7–12 лет: презираю любые профессии типа полиции, судей, прокуроров, следователей, адвокатов, то есть насквозь пропитанные насилием. Чтобы выразить свой протест, в подростковой ватаге мы все время пели блатные (одесские) песни, к которым у меня по сей день положительное отношение как к социально-протестным. По этой же причине люблю песни советских бардов за их протестный стиль (Высоцкого, Окуджавы, Галича), венгерские народные и еврейские песни (они ностальгические), лирические песни 1920–1930-х годов, особенно Петра Лещенко (они откровенные). Из современного стиля люблю джаз, рок-музыку, блюз, спиричуэлсы, так как они близки к природе и нелицемерны, и не люблю классическую музыку — она воспринимается мной как совокупный реквием, интегрированный в Шестой симфонии Д. Шостаковича. Но это мое субъективное эмоциональное восприятие внешнего мира. Живу же я по формуле Гегеля: свобода — осознанная необходимость.

Свое видение логики развития социологической науки я изложил в статье в 2021 году: «Теоретическая социология как наука и предмет преподавания»³⁷. Это не просто построение категориальной модели, полный вариант которой я реализовал в статье «Политика как социальный институт»³⁸, то есть обобщение на уровне не категорий, а законов диалектики, ибо это единственная логика, на которой можно построить теорию цивилизаций.

Социологическая теория начинается с постулата, согласно которому в основе научного анализа социума лежит триада законов, тесно взаимосвязанных, но поддающихся каждый автономному анализу в плане гносеологии. Их условно можно назвать законами трех R: R1 — закон репликации, R2 — закон рекреации, R3 — закон рефлексии. Они соответствуют трем законам диалектики: единство и борьба противоположностей, переход количеств в качество, отрицание отрицания. Закон репликации гласит, что единственная цель от природы любой особи — воспроизводство самого себя в популяционном аспекте, то есть в множественном числе. Таким образом, педофил, некрофил, зоофил и т. п.

³⁶ Бондарь В. Интервью Шереги Ф.Э. Июль 2019 г. // Социальные технологии, исследования. 2019. № 5. С. 29-46.

³⁷ Шереги Ф.Э. Теоретическая социология как наука и предмет преподавания // Социальные технологии, исследования. 2021. № 4 (110). С. 41-55.

³⁸ Шереги Ф.Э. Политика как социальный институт // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2019. № 4. С. 543-565.

будут стремиться создать максимально благоприятные условия только для воспроизводства себе подобных. Для учета этой обусловленности социальных отношений требуется опираться на генетику. Второй закон отражает обмен веществ, который необходим для реализации первого закона, то есть, прежде чем произвести генетически потомство, особь должна воспроизвести себя биологически. В социальном аспекте этот механизм изложен в политэкономии Маркса. Третий закон отражает духовную жизнь, порождаемую отношениями, опосредованными вещью. По сути, речь идет о рефлексии социального в вещах, а точнее, об аргументации присвоения вещи. Поэтому любая коммуникация есть аргументация по поводу присвоения. Третий закон отображает направление развития цивилизации и моделируется при помощи концепции общественно-экономических формаций. В этой теории требуется использовать этногенез. Механизм реализации второго закона — социальные институты, являющиеся разнообразными формами распределительных отношений. На уровне социальных институтов можно строить категориальные модели, а сами категории подвергать операционализации путем поиска для них эмпирических индикаторов. И мы переходим от диалектической к формальной логике, то есть к нормативной прикладной социологии. Например, как формулируются категории исходя из политэкономической концепции. Маркс высказал мнение, что цивилизационные эпохи отличаются не тем, *что* производят, а тем, *как* производят. Анализ истории цивилизаций показывает, что, действительно, можно выделить пять форм технологии производства — это мускульная, рычаговая, тягловая, машинная и экологическая (имитация моделей природы). Эти понятия можно детализовать далее уже при помощи эмпирических индикаторов. В моей статье «Теоретическая социология как наука и предмет преподавания» приводятся и другие примеры.

Конечно, подход, который собираюсь реализовать в социологии, полностью выбивается из субкультуры коллег, и может противоречить «латентной официальной цензуре», поэтому журналы публиковать вряд ли согласятся, но в будущем попробую размещать в Интернете и издам в форме книги.